

TRUE STORY. ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР.
НАПИСАННЫЙ УЧАСТНИКОМ СОБЫТИЙ

ЗАЛОЖНИК

А О ЧЕМ БЫ ВЫ ГОВОРИЛИ
ПЕРЕД СМЕРТЬЮ?

ДАВИД
КОН

Давид Кон
Заложник
Серия «True Story. Военно-
психологический триллер,
написанный участником событий»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63967946

Заложник: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118250-2

Аннотация

Жизнь врача Юсуфа была проста и понятна. Враги были врагами, друзья – друзьями. Он хорошо зарабатывал, обеспечивал свою семью и подумывал о третьем ребенке.

Но однажды его привезли к сидящему в подвале заложнику, схваченному бойцами сопротивления, чтобы морально подготовить его... к страшной показательной казни.

Несчастному осталось совсем мало времени. Врач Юсуф – единственный человек, который мог выслушать его. И тогда Юсуф понял, что вся его предыдущая жизнь была лишь прелюдией к этой шокирующей встрече в подвале.

А тем временем до казни осталось несколько часов. Идет экстренное заседание правительства, на котором решается судьба заложника...

Содержание

Первый день плена (пятница)	6
Второй день плена (суббота)	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Давид Кон Заложник

© Кон Д., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Первый день плена (пятница)

За Юсуфом приехали в половине шестого. Он только закончил вечерний намаз¹ и еще не отошел от мыслей о благах, которые дарует Аллах пребывающим в его дивных садах. К молитве Юсуф всегда относился серьезно. Опускался, когда положено, на колени, обязательно касался лбом коврика и четко произносил слова ракаатов². Когда он учился на врача в российском городе Саратове, именно из-за ежедневной пятикратной молитвы он всегда снимал квартиру самостоятельно, хотя студенты ради экономии предпочитали объединяться. Однокурсники подозревали в нем законченного сноба и тайного миллионера. А Юсуфу приходилось тратить на жилье почти все деньги, которые родители присылали из Палестины. Юсуф знал, как нелегко им давались эти деньги. Родители жили в секторе Газа в маленьком селении Аль-Бу-юки на границе с Египтом. Отец, имам³ местной мечети, преподавал в медресе⁴ Коран, а по вечерам давал уроки шариата

¹ Намаз – каноническая молитва у мусульман, один из столпов ислама.

² Ракаат – порядок молитвенных поз и движений, сопровождаемых произнесением молитвенных формул у мусульман.

³ Имам – духовное лицо, которое заведует мечетью и ведет молитвы.

⁴ Медресе – мусульманское учебное заведение второй степени (после начальной).

будущим улемам⁵, чтобы выкроить полторы сотни долларов, которые он каждый месяц запечатывал в конверт и отправлял заказным письмом в далекую Россию.

По той же причине – из-за молитвы – Юсуф никогда не оставлял у себя девушек до утра. С первого курса на всех вечеринках девчонки с интересом смотрели на смуглого парня, проходившего в институтских документах под грифом «иностранный студент». Сначала Юсуф робел, он не привык к таким женщинам – светловолосым, насмешливым, спокойно принимающим ухаживания парней. Его смущало, что девушки не опускали глаз, когда на них смотрели мужчины, а отвечали взглядами дерзкими и вызывающими, могли пошутить так, что краска заливала щеки. Потом он освоился, научился во время ужина класть под столом ладонь на колено понравившейся соседки. Если возражений не было, его ладонь ползла выше, забиралась под юбку, медленно скользила по теплой, гладкой, пружинящей плоти, кончики пальцев упирались в кружева трусиков, ползли дальше, касаясь хорошо известных ему, будущему врачу, точек. Соседка смотрела на него томными полуприкрытыми глазами и тянула навстречу соблазнительные полные губы. Потом были танцы, поцелуи и страстные объятия, заканчивавшиеся поездкой к нему. Но через несколько часов он обязательно вызывал такси и отправлял подругу восвояси. Девчонки гадали:

⁵ Улем – собирательное название знатока теоретических и практических основ ислама.

в чем причина? Что он делает такого, чего никому нельзя видеть? До молитвы они додуматься не могли и потому строили предположения одно фантастичнее другого. Может быть, он лунатик и разгуливает по ночам по карнизам? Тогда лучше от него держаться подальше. Еще потянет за собой на карниз. А может, после ночи страсти он приглашает к себе еще и проститутку? С них станется, с этих горячих южных парней. Девчонки шли на любые ухищрения, чтобы разгадать волнующую тайну, притворялись пьяными, говорили о вечной любви и о желании остаться у него навсегда. Но Юсуф был тверд. И хоть в пять утра, но выдворял случайную подругу из квартиры. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь увидел, как на рассвете он расстилает маленький коврик, поворачивается лицом в сторону Мекки и опускается на колени.

...Юсуф аккуратно свернул коврик, поставил молитвенник на верхнюю полку большого книжного шкафа и пошел в гостиную. А теперь ужин. Ежедневный многократный переход от духовного к материальному всегда волновал его, давал ощущение полноты жизни и истинности бытия. Только что он стоял на коленях перед небесным правителем и просил не обделить его своей милостью. И вот просьба о достатке и клятва верности дают вполне ощутимые плоды: вкусный ужин в обществе любимой жены.

Стол в салоне уже был накрыт. Красиво, как умеет только Зара. Ее столы всегда радовали глаз. Ярко-красные пятна редиса и помидоров в океане зелени. Белоснежный сыр,

светло-бежевый хумус с темными пятнышками тмина. Рядом дымятся только что испеченные питы⁶. Зара не признавала покупной хлеб, считала дрожжи вредным продуктом, сама пекла питы и подавала их непременно горячими. Когда-то Юсуф пытался отстоять престиж батонов и булочек, давил своим врачебным авторитетом, проникновенным голосом рассказывал о вреде горячего теста для желудочно-кишечного тракта, но вскоре смирился, убедившись в справедливости пословицы «кто спорит с женой, тот сокращает свое долголетие».

Юсуф вымыл руки, вышел из ванной с полотенцем, чмокнул жену в щеку, накинул полотенце ей на плечо, и тут во двор въехал черный «Мерседес». Юсуф сразу понял, что приехали от Тайсира.

За Юсуфом приезжали часто. Знакомые и незнакомые, из окрестных деревень и издалека. Иногда приезжали даже из больницы соседнего города Рафах, когда нужна была консультация опытного хирурга. Но в этих случаях машины всегда останавливались за воротами, и люди торопливо шли через двор к дому. Этот же «Мерседес» по-хозяйски въехал во двор, заполнив все пространство от дома до забора своим черным лакированным, хотя и покрытым густым слоем пыли, телом. Из салона выбрался молодой человек, поправил черно-белую куфию⁷, прикрывавшую его лицо до самых

⁶ Пита – плоская пресная лепешка.

⁷ Куфия – мужской головной платок, популярный в арабских странах.

глаз, и в три шага преодолел расстояние до двери. Визит людей Тайсира означал, что кто-то из его бойцов серьезно ранен и в ближайшие часы Юсуфу предстоит трудная работа в операционной, оборудованной в каком-нибудь подвале. После каждой такой операции Юсуф ворчал, жаловался Заре на тусклый свет, на отсутствие современных приборов, изобретенных умными головами для облегчения работы хирурга, на антисанитарию, нехватку бинтов и крови, но в глубине души он любил, когда за ним приезжали от Тайсира. Это давало ему ощущение причастности к большому делу, к борьбе, которая когда-нибудь обязательно принесет результат. И ради этого результата он был готов резать, сшивать, накладывать шины, ампутировать конечности при свете трех настольных ламп, подвешенных под потолком. Именно этот грядущий результат мирил его с неловкостью, которая неизбежно возникала, когда эти крепкие парни вваливались в его дом. Юсуфа смущала их холодная уверенность в своей силе, он завидовал их умению лихо осаживать машину у самой стены. Эти парни заполняли мускулистыми телами все пространство маленькой гостиной, не смущаясь, демонстрировали висящие за спиной автоматы, прицепленные к поясам пистолеты и ножи, подозрительно поглядывали на Зару и детей. Зара, как и положено женщине, прятала глаза, а мальчишки смотрели на незваных гостей с восторгом. В присутствии этих парней Юсуф переставал быть хозяином дома и главой семьи. Он терялся, говорил казенные фразы, не улы-

бался и не шутил. Но все это было не важно. Его личные ощущения не играют никакой роли. Главное – борьба. А пока есть эти парни, пока они крепки и сильны, пока самоуверенны и вооружены, эта борьба продолжается.

В том, что борьба необходима, Юсуф никогда не сомневался. Он помнил школьные уроки, на которых сорок мальчишек в маленьком классе с земляным полом заучивали указания, данные Аллахом через пророка своего Мухаммеда – бороться с неверными, уничтожать их без жалости, чтобы установить, в конце концов, царство свободы и справедливости. Годам к шестнадцати Юсуф осознал недостижимость такого идеала, как «царство справедливости». Даже если не будет на земле неверных, захотят ли богатые делиться с бедными, могут ли все люди быть одинаково счастливы? Говорят, что в те благословенные времена будут исполняться все желания. Но ведь желания одного человека часто противоположны желаниям другого. Как же будет в этом случае? Такие мысли приходили в голову Юсуфу, но он не считал нужным искать ответы на эти вопросы, считая их стратегическими. А стратегия, как известно, никогда не должна мешать тактике, которой и являлась ежедневная борьба парней Тайсира.

...Молодой человек вошел в салон и остановился у порога. Как и от всех людей Тайсира, от него веяло скрытой угрозой. Он был настороже и готов к любой неожиданности. Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного, парень отпустил куфию. Конец платка мягко спланировал на грудь

и открыл незнакомое молодое лицо с густой кудрявой бородой, узкими скулами и тонким носом. Он молча перевел взгляд с Юсуфа на Зару, словно спрашивая, можно ли говорить при женщине. Юсуф кивнул.

– Просили срочно приехать.

Голос у парня был хриплый. Юсуф коротко кивнул. Если срочно, он готов. Юсуф сделал шаг к шкафу, в котором хранился его врачебный саквояж. Зара решительно взяла мужа за руку.

– Может быть, успеешь поесть? У меня все готово.

Юсуф взглянул на жену. Глаза тревожные, и голос звучит виновато. Словно понимает, что не должна мешать врачу выполнять свою миссию. Но руку не убирает и держит крепко. Ведь и ее миссия заботливой жены тоже должна быть выполнена. Юсуф хотел ответить, но не успел. Посланник Тайсира отреагировал быстрее:

– Просили срочно.

Юсуф кивнул. Он врач и понимает, что такое срочно. Тайсир зря паниковать не станет. Саквояж в руку, куртку на плечо. Зара засуетилась у стола, заворачивая сыр в лепешку. Юсуф с улыбкой смотрел на жену. Красивая, заботливая.

...С Зарой он познакомился через месяц после возвращения из России. Это было странное время. Из заснеженной холодной страны он попал в забытый за десять лет жар Средиземноморья. Уезжал он отсюда восемнадцатилетним юношей, вернулся солидным мужчиной, врачом с дипломом ме-

дицинского института имени профессора хирургии Василия Разумовского и тремя годами практики в городской больнице города Саратова. Жизнь на родине, казавшаяся издалека такой понятной и желанной, оказалась сумбурна и неустроена. Проблемы начались сразу после приземления московского самолета в маленьком аэропорту египетского Шарм-эль-Шейха.

Бодро пройдя таможенные формальности, Юсуф взял такси и поехал в сторону границы, предвкушая скорую встречу с родителями. Ровно в полдень он вошел в забитый людьми зал ожидания контрольно-пропускного пункта. Юсуфу выдали номерок – пятьсот тридцать четвертый. Он поинтересовался, какой номер уже прошел. Бородатый мужчина молча кивнул на табло около окошка подачи документов. Сто шестьдесят третий. Очередь Юсуфа подошла только через пять часов. Мрачный египетский пограничник долго перекладывал на столе российские бумаги, перечитывал заверенные адвокатами переводы и никак не мог понять цель его приезда в сектор Газа. Только в шесть вечера голодный и уставший Юсуф ступил на родную землю. Родители ждали его на стоянке такси. Юсуф обнял отца, расцеловал мать и рухнул на заднее сиденье, с ужасом узнав, что дома его ждет не постель, а накрытые столы и многочисленная родня, терпеливо ждущая блудного брата, дядю и племянника.

Вечер получился шумным. Дети носились между столами, взрослые слушали рассказы еле живого от усталости Юсуфа

и вспоминали о прошлой жизни. К полуночи все разошлись, и Юсуф, наконец, добрался до кровати.

Два следующих дня прошли в радостных хлопотах. Мать демонстрировала его подругам, отец водил в кофейню на базаре. Юсуфом восхищались. Еще бы! Врач, делает операции. Односельчане вообще не понимали, как это можно – разрезать человека, а потом сшить?! А он делает это. Хирург. Это не торговец какой-нибудь и даже не учитель. Неудивительно, что именно у имама Абдулгафура такой замечательный сын. Юсуфа обнимали, хлопали по спине, удивлялись, каким он стал. Рослым, статным. Потом все вернулись к повседневным делам, а Юсуф заскучал. Школьные друзья разъехались, и как их найти, Юсуф не представлял. Да и будет у них хоть что-то общее после десятилетней разлуки? Надо было работать, но место врача в маленькой местной поликлинике его не привлекало. Он начал помогать матери по хозяйству, но тяготили даже походы в соседскую лавку. Те же люди, те же разговоры. Вроде все было хорошо, но каким-то особым чутьем Юсуф ощущал за доброжелательными взглядами односельчан свою чужеродность. Он – не один из них. Он образован, он видел мир, ему удалось вырваться на целых десять лет из этого болота пыльных улиц и маленьких домиков. Наверное, он должен был ощущать свое превосходство и наслаждаться им, но на него почему-то постоянно нападала тоска и, спасаясь от нее, Юсуф уезжал на выходные в Газу. Здесь он встретил Зару. Потом он говорил, что первое пересече-

ние их взглядов было, как удар тока. На самом деле никакого удара не было. Наоборот. По телу медленно разлился жар, заставивший его повернуть за ней и ускорить шаг. Юсуф ловил взглядом мелькающие ноги, ровную спину, голову с гордо вздернутым подбородком. Разглядел округлые бедра и хорошо различимый под длинной накидкой выпуклый зад. Волосы девушки были прикрыты платком, из-под которого выбивалась только черная челка. Этот платок, который должен был обезличить женщину и оградить ее от назойливого мужского внимания, удивительно подчеркивал правильные черты лица незнакомки. Эта девушка должна стать его женой. Мысль ему понравилась, засела в голове и не уходила, как ни пытался Юсуф посмеяться над самим собой. Какая жена? При чем тут жена? Он даже не представляет, как подойти к этой девушке. Российский опыт здесь был совершенно бесполезен. А другого у Юсуфа не было. Когда он уезжал отсюда, он еще не ухаживал за девушками.

Она свернула на маленькую улочку, оглянулась и заметила Юсуфа. На ее губах мелькнула едва различимая улыбка. Девушка толкнула металлическую калитку, выкрашенную в ядовито-зеленый цвет, и скрылась за ней. Юсуф сел на большой камень напротив зеленой калитки и решил ждать. Чего? Он сам не знал. Вероятно, случая, который всегда приходит на помощь влюбленным. Но время шло, а случай не приходил. Юсуф сидел в тени развесистой смоковницы и думал о незнакомке. Он познакомится с ней, чего бы ему это ни сто-

ило. Именно такая девушка может сделать осмысленным его существование здесь. Да, именно так. Ей придется стать ему не только женой и любовницей, но и заменить друзей и даже родителей. Мать и отец его не понимают. Не понимают, почему сын мечется и никак не может найти себя. Они привыкли к этой жизни, к ее монотонности и тягучести, они не видели ничего другого. А ему в одиночку здесь не выжить.

Из калитки выходили какие-то люди. Они не замечали Юсуфа, а он внимательно рассматривал каждого. Полная женщина с ярким платком на голове вполне может быть ее матерью. Подросток лет двенадцати, скорее всего, брат. Женщина с младенцем на руках. Тетя? Или старшая сестра? А где же она?

Наконец она вышла, забрала какой-то сверток у водителя подъехавшей машины, бросила на Юсуфа удивленный взгляд и вновь впорхнула в ворота. Без накидки и без платка она была еще прекрасней. Черные волосы разметались по плечам, тонкая талия, подчеркнутая широким поясом, нежные розовые щеки. Грудь рассмотреть не удалось. Ее скрывала длинная просторная галабея⁸. Зато, когда она наклонилась к окну машины, под тонкой тканью явно обозначилась крепкая нога. В зеленую калитку вошел молодой мужчина. А вдруг это ее жених?! От этой мысли Юсуфу стало жарко. Спокойно, спокойно. Скорее всего, они не обручены. Не

⁸ Галабея – рубаха до пят, без ворота, которую носят в арабских странах и мужчины, и женщины.

стала бы обрученная девушка выходить на улицу без платка. Даже на минутку. Еще не все потеряно. Но медлить нельзя. Юсуф вытер пот со лба тыльной стороной ладони и встал. Он должен решить все прямо сейчас. Юсуф перешел дорогу, подошел к зеленой калитке и остановился. С каждой секундой, его решимость испарялась, как диэтиловый эфир на солнце-пеке. Он был хирургом и привык принимать быстрые решения, от которых зависели чужие жизни. Но сейчас откуда-то изнутри поднялось смутное чувство неуверенности в себе. Люди, которые были за этой калиткой, одной крови с ним, но они ему непонятны. Он отвык от их взглядов, от уклада их жизни и привычек. Как они его встретят? Не вытолкают ли взащей так, что потом будет стыдно вспоминать об этом всю жизнь? Юсуф глубоко вздохнул. Не вытолкают! Он не позволит себя вытолкать. Он будет вежлив, но настойчив и тверд. И вызовет уважение к себе. Юсуф протянул руку и толкнул калитку. Пожилой мужчина прекратил копать, медленно разогнулся и уставился на него, опираясь на свою лопату. Юсуф увидел черную с проседью бороду, красно-белую клетчатую куфию. Черные глаза, смотрели на него с неожиданной усмешкой...

Через четыре месяца, на их свадьбе, отец Зары Басиль со смехом рассказывал гостям об этой минуте.

– Как я не убил его тогда? Один Аллах знает. Подходит он ко мне, бледный, глаза горят, и говорит: «Уважаемый, я не знаю, как ваше имя, но я хочу просить руки вашей дочери».

И главное, лопата была под рукой...

Через год у них родился сын. Юсуф сам принимал роды и первым поцеловал своего первенца. Потом долго сидел у постели Зары, целовал ее губы, лоб, глаза и говорил, как он с ней счастлив. Зара молча прижимала к щеке его ладонь. Малыша они называли Саидом. А еще через семь месяцев он встретился с Тайсиром. Юсуф еще долго содрогался, вспоминая страшные обстоятельства этого знакомства.

...Праздничное застолье на Ид-эль-Фитр⁹ решили делать у тестя с тещей. Собиралась вся семья, но родителей Юсуфа ждали только к вечеру. Имам Абдулгафур должен был закончить предпраздничный сбор платежей за содержание мечети и в помощь бедным. Женщины возились на кухне, а Юсуф вышел прогуляться с малышом Саидом. За ним увязался младший брат Зары Шакур. Солнце пекло нещадно, хотя стрелки часов показывали половину пятого. Юсуф думал о том, что им надо бы вернуться не позже чем через час. Из-за традиционного разговения финиками в мечети молитва начиналась раньше обычного. А еще надо успеть встретить родителей на автовокзале. Шакур толкал перед собой коляску. Юсуф посматривал на лавки, из которых запоздавшие покупатели выгребали все, что могло порадовать их желудки после долгого поста месяца Рамадан, и думал о том, как следующим летом отвезет Зару в Саратов, покажет ей великую

⁹ Ид-эль-Фитр – исламский праздник, отмечаемый в честь окончания поста месяца Рамадан.

реку Волгу и познакомит со своими приятелями по институту и по больнице. «Не забудь познакомить с приятельницами», – шепнул ехидный внутренний голос. Юсуф улыбнулся. Проехавшая мимо машина обдала их водой из лужи и громко просигналила. Юсуф возмущенно вскинул голову. Он же разбудит малыша! Огромный «Линкольн», заляпанный грязью так, что трудно было разобрать его цвет, взвизгнул тормозами у ближайшего перекрестка и скрылся за углом. «Наглец!» подумал Юсуф и заглянул в коляску. Саид спал, смешно надувая губки. Юсуф хотел сказать Шакуру, что пора поворачивать, и в этот момент за поворотом грохнуло.

Потом, беседуя со следователем, Юсуф сказал, что видел вылетевшую из-под низких облаков ракету. Вернее, не ракету, а тонкую серебристую стрелку, мелькнувшую между тучами и землей. Следователь качал головой и не верил. Вскоре и сам Юсуф тоже стал сомневаться, мог ли он увидеть эту стрелку над крышами низких домиков перед самым взрывом? Нет, конечно, не мог. Он ведь перед самым взрывом нагнулся к коляске, а не смотрел на небо. Но это видение – серебристая стрела под облаками – почему-то застряло в памяти. За поворотом выли сирены автомобильной сигнализации и пронзительно кричали женщины. Оттуда валил дым, и туда бежали люди. Шакур смотрел на Юсуфа умоляющими глазами. Юсуф отобрал у него коляску и быстро развернул ее. Если этот мальчишка хочет идти туда, пусть идет, а он с малышом должен быть как можно дальше от этого ужаса, от

запаха горелого мяса и расплавленного металла. Юсуф уже сделал несколько шагов, как сзади раздался отчаянный крик:

– Врача! Скорее, врача! Помогите!

Юсуф остановился. Шакур смотрел на него во все глаза. Маленький Саид от грохота проснулся и заплакал. Юсуф решительно двинул коляску. Крики «Врача!» повторились и стали громче. Кричали уже несколько человек. Юсуф остановился. Да, он давал клятву помогать всем страждущим. Всегда и везде. Но сейчас? Саид в коляске... Родители, которых надо встретить... Мечеть... Подбородок Шакура дрогнул. Не хватало, чтобы он раззвонил всем, что Юсуф не оказал помощь раненым. Нет, врач не может так поступить. Юсуф обернулся. Люди все бежали и бежали.

– Врача! Есть здесь хоть какой-нибудь врач?! Человек ранен! Помогите!

Юсуф сделал шаг.

– Не выпускай из рук коляску! – скомандовал он Шакуру. – Следи за ребенком. И никуда не уходи! Никуда! Ты слышал?

Шакур кивнул, его руки дрожали от возбуждения, а в глазах сиял восторг. Юсуф бросился за угол. С первого взгляда ему показалось, что от машины остался только черный остов. Все пространство вокруг было усыпано металлическими обломками и кусками дымящейся человеческой плоти. Женщины кричали не от страха, а от кошмара, творившегося вокруг. Мужчины пытались тушить горящие останки. Другие

просто стояли и смотрели. В глазах людей ярость и ненависть смешались с восторгом фантастического, почти нереального зрелища. У Юсуфа мелькнуло в голове, что видеть такое доводилось лишь несколькими десяткам из миллиардов, живущих на Земле. Юсуф пробрался сквозь толпу к черным обломкам.

– Я врач! Кто вызывал врача?

Юсуф сделал еще несколько шагов и едва не споткнулся о голову. Глаза открыты, лицо усеяно осколками стекла, вместо носа кровавая трещина, идущая через весь лоб. Юсуф сглотнул слюну и обошел голову. На переднем сиденье он разглядел ноги и остатки таза. Обгоревшие, побитые взрывом кости торчали в разные стороны. Но парень на заднем сиденье еще дышал. Несколько мужчин пытались вытащить его, рвали из остова машины разбитые двери, камнями отбивали остатки корпуса. Наконец парня уложили на песок. Юсуф разрезал на нем свитер и разорвал рубашку. Голова парня была пробита, из раны на шее хлестала кровь. Юсуф попытался остановить этот поток. Ему удалось зажать артерию, но без инструментов он не мог продержаться долго.

– «Скорую»! Вызовите «Скорую»!

Он кричал через плечо, не отрывая рук от скользкой мечащейся плоти.

– Уже вызвали, – ответил кто-то. – Они едут.

Долгие минуты он сидел на песке и прижимал немеющими пальцами истекающую кровью артерию. В его голове в

этот момент не было ни одной мысли, только пустота и безнадежность, в глазах – безмерная печаль, но руки делали привычное дело точно и уверенно. Наконец приехала воющая машина с красным полумесяцем на белом борту, Юсуф не чувствовал пальцев и сам был близок к обмороку, но от медицинской помощи отказался, протер руки ватой со спиртом и бросился к коляске. Ему хотелось прижать к себе Саида, но он не посмел прикоснуться к ребенку пальцами, пахнувшими чужой кровью. Схватил коляску и побежал. Быстрее домой, под душ, подальше от того, что теперь он будет помнить всю жизнь.

А на следующее утро во двор его дома въехала машина. Из нее вышли трое мужчин.

– Мы хотим поговорить с вашим мужем, – сказал один из них перепуганной Заре.

Мужчины вошли в дом. Двое остались стоять у порога, а третий, высокий и широкоплечий, заросший почти до глаз черной бородой, сел за стол. Юсуф опустил на стул напротив, пытаясь угадать, что нужно этим людям в его доме. Незнакомец несколько секунд молчал и рассматривал Юсуфа тяжелым взглядом.

– Хочу поблагодарить вас за Фарзана, доктор. Врачи говорят, что вы спасли ему жизнь.

Юсуф пожал плечами. Какие благодарности, он врач и выполнил свой долг.

– Не все врачи поступили бы так в подобной ситуации.

Мужчина протянул руку и представился.

– Тайсир.

Юсуф пожал жесткую ладонь и ощутил страшную животную силу этого человека. Она была не в мощи рукопожатия, не в крепости каждого пальца и не в твердости кожи. Она была в какой-то энергии, придавившей Юсуфа к стулу и почти лишившей его дара речи. Тайсир обернулся к своим людям. Один из парней вынул из кармана конверт и положил его на стол перед Юсуфом.

– Ваш гонорар, доктор.

Юсуф замотал головой, но Тайсир резко двинул конверт в его сторону, и Юсуф понял, что спор окончен. Он молча кивнул.

– Спасибо!

Но Тайсир не двинулся с места. Он сидел за столом и продолжал внимательно рассматривать Юсуфа.

– Мы проверили вас, доктор. Вы честный человек. Хороший специалист. И думаете, как мы. Предлагаю работать вместе.

Юсуф напрягся. Хороший специалист. Это они могли проверить и в Саратове, и здесь, в больнице. Честный человек. Взяли рекомендации у соседей и родственников. Но откуда они знают, что он думает, как они? Он никогда не высказывал вслух свои мысли о вооруженной борьбе. И в каком качестве он им нужен? Как врач? Тайсир кивнул. Конечно! Не станет же он учить доктора стрелять. И что он должен

делать как врач? То, что он делает всегда. Лечить, оказывать помощь людям. Людям или бойцам? Тайсир вроде даже обиделся.

– Как-то странно вы говорите, доктор. Что значит – людям или бойцам?

– Простите, – Юсуф смутился, – это вырвалось случайно. Он действительно не хотел обидеть этого человека.

– Моим бойцам!

Тайсир сделал ударение на каждом слове. К несчастью, они получают ранения чаще, чем хотелось бы. Везти их в больницу значит подставлять под объективы врага. Враг изучает и тех, кого привозят, и тех, кто привозит. Отслеживает, чтобы потом поступить как с Фарзаном. И потому помощь лучше оказывать без шума. В тайном месте. Не всем, конечно. Мелкие сошки по-прежнему будут отправляться в больницы. А вот проверенные бойцы и тем более их командиры... Юсуф молчал. Оказывать помощь – это его работа. И ему все равно, кого положат перед ним на стол – мирного крестьянина или вооруженного бойца. Но как все это совместить с его сегодняшней жизнью, с Зарой, с Саидом? Судя по всему, Тайсир догадался, о чем он думает.

– Вам придется уйти из поликлиники.

Юсуф кивнул, это он понимает. Тайсир продолжил уверенным и спокойным тоном:

– Откроете частную практику, получите разрешение. Снимете помещение под кабинет. С деньгами проблем не бу-

дет. Ведите прием как частный врач. От нас будете получать зарплату ежемесячно. Независимо от того, будет работа или нет.

Юсуф пожал плечами. Дело вовсе не в деньгах. Деньги тут ни при чем. Просто... Да, он за борьбу. И он уважает этих людей, этих борцов. Но одно дело уважать, другое – стать одним из них. Перед глазами возник черный обугленный остов машины.

– Мы не будем вас часто беспокоить, доктор. Только в экстренных случаях.

Юсуф взглянул в суровые глаза собеседника, помолчал несколько секунд, затем кивнул и пожал протянутую руку.

Тайсир уехал, но страх остался. Он теперь один из них. Борец за свободу Палестины. А что, если их разговор был записан и в каком-то неведомом центре какой-то секретной службы его уже поставили на учет? А вдруг какой-то агент уже получил задание и приступил к его выполнению. Почему Тайсир был так неосторожен? Почему приехал к нему днем, открыто, не таясь!

На следующее утро, выйдя из дома, Юсуф неожиданно для самого себя опустился на колени и заглянул под днище машины: нет ли там бомбы? Под днищем ничего не тикало и не мигало. Глупости! Галлюцинаторный бред. Никто не станет убивать врача. Он же не организует взрывы, не производит взрывчатку и не разрабатывает новые ракеты. Он просто лечит. За это нельзя убивать. Он не преступник. Он давал

клятву помогать всем обратившимся за помощью. Юсуф сел за руль и решительно повернул ключ в замке зажигания. В тот же день он уволился из поликлиники и подал прошение о регистрации частного бизнеса.

Первый раз за ним приехали только через месяц. Двое парней Тайсира привезли его в какой-то дом, в подвале которого была оборудована операционная. На столе лежал молодой мужчина с тремя пулевыми ранениями в груди. Операция прошла успешно. Юсуф вымыл руки, снял халат и бахилы и попросил отвезти его домой. В машине сидел Тайсир. Он благодарил и жал руку, а когда машина тронулась, сказал:

– Ты понимаешь, Юсуф, какие тайны мы доверяем тебе. За этим человеком охотятся. Враги много дадут, чтобы выяснить, где он находится.

Юсуф кивнул.

– Я ничего никому не расскажу.

– Конечно! – согласился Тайсир. – Я тебе верю. Но... Если вдруг... Мне неприятно тебе об этом говорить... Если что... Твоя жена и ребенок... Ты понимаешь... Они могут пострадать... Прости, что я говорю тебе это, но ты должен понимать. Мы не в игры играем.

Юсуф кивнул. Странно, но слова Тайсира его не разозлили. Конечно, он понимает. Возможно, он сам поступил бы так, если бы кто-то раскрыл его тайну. Но этого не будет. Он не собирается ничего раскрывать. Значит, Заре и Саиду ничего не угрожает. И еще одному малышу, который уже су-

ществует, хотя и не скоро появится на свет.

– Я понимаю, – ответил он Тайсиру. Помолчал и добавил: – Моя жена беременна.

– Хвала Аллаху! – отозвался Тайсир. – Мы поможем тебе во всем. Если будет нужна моя помощь, позвони по этому телефону. Ничего не говори. Просто позвони, дождись соединения и повесь трубку.

Тайсир протянул Юсуфу маленький листок с десятью цифрами. Заставил прочесть несколько раз, повторить и вернул листок в верхний карман куртки. Это уже серьезно, подумал Юсуф. Тайсир доверяет ему тайну своих убежищ и своей связи. Если этот номер попадет в чужие руки... Юсуф знал, что никогда и никому не раскроет эти тайны. Никогда не предаст этих людей. Ведь они борются и за него. А он просто делает свое дело.

...Юсуф надел куртку, подхватил саквояж, обнял Зару, но от завернутой в целлофан лепешки с сыром отказался. Где он будет есть эту лепешку? В машине, торопясь и давясь. Никакого удовольствия. Вернется, тогда и поужинает. Зара пыталась возразить, но Юсуф решительно положил сверток на стол. Он готов. Парень кивнул и первым вышел из дома, не забыв запахнуть на лице свою куфию.

В машине было холодно. Несмотря на прохладный вечер, всю работу кондиционер, из динамиков неслись звуки какой-то джазовой музыки. Вот они, новые веяния! Арабская молодежь слушает джаз. А почему нет, собственно говоря?

Век Интернета. От них не скроешь, как живут их сверстники в Америке и Европе. Сам Юсуф к джазу пристрастился еще в институте. В те годы было повальное увлечение. После советских запретов студенты бредили джазом. Начинали, конечно, с классики. Дюк Эллингтон, Дизи Гилеспи. Потом современные исполнители. Кидс Джарит, Майкл Брекер. Джаз располагал к полумраку и тесному общению. Девушки размякали от возбуждающих звуков, раскидывались на коврах и подушках диванов и, казалось, не замечали рук соседей, скользивших по их телам. Но сейчас в машине звучал какой-то другой джаз. С восточными нотками. Наверное, его пишут специально для арабской молодежи. Все меняется в этом мире.

Юсуф ничего не сказал по поводу холода, только запахнул куртку и сел на заднее сиденье. Парень в куфие расположился рядом с водителем, машина выехала со двора, развернулась и помчалась по узкой улице, разбрызгивая во все стороны черную грязь.

Юсуф ощутил толчок в колено и с трудом разлепил глаза. Вероятно, он задремал сразу после отъезда из дома, потому что не помнил, ни куда они ехали, ни сколько времени. Зато помнил свой сон. Странный сон. Будто он выступает с лекцией перед большой аудиторией и рассказывает о тяжелой доле врача. Аудитория слушает внимательно, иногда даже аплодирует, а он приводит один за другим убийственные

доводы. Как жить, если каждый день приходится сталкиваться со страданиями. Каждый вызов – это кровь и боль. Хорошо строителям. Они трудятся, таскают камни, возят тяжелые тачки. Но потом приходят люди, вселяются в новые квартиры, благодарят, дарят цветы. А здесь... Только крик и проклятия, только боль в глазах и стиснутые зубы. Аудитория не соглашалась. Это была очень умная аудитория. Кричала: – Вы же об этом мечтали, Юсуф!

Да, мечтал. Мечтал лечить, помогать. Но как выдержать хриплые стоны мальчишки, которого привезли с разбитой головой, а он все не терял и не терял сознания.

Юсуф заворочался на заднем сиденье, нащупывая ручку, и вдруг вспомнил свое первое дежурство в городской больнице Саратова. В половине седьмого утра привезли двадцатилетнего парня. Парень работал механиком в трамвайном парке, и ему раздавило вагоном ногу. Он стонал и метался на носилках, несмотря на укол морфия, сделанный врачом «Скорой помощи». И только после усиленной дозы новокаина впал в забытие. Юсуф осмотрел раздавленную ногу и понял, что ее не спасти. Кости раздроблены, сплошная мешанина из раздавленных мышц и разорванных сосудов. Он вызвал старшего дежурного врача и велел сестрам готовить операционную. Врач прибежал через несколько минут. Осмотрел ногу и кивнул. Конечно, ампутация. Но провести операцию он не мог, потому что четверть часа назад со словами: «Спасибо тебе, Господи, за спокойное дежурство», пе-

рекрестился и выпил полную пробирку спирта. Ногу ниже колена ампутировал Юсуф под наблюдением старшей операционной сестры Виолетты Петровны. Теорию он помнил хорошо, и ампутация на трупах ему неплохо удавалась. Но здесь все было по-другому. Он ощущал под руками не застывшие, превратившиеся в камень мышцы трупа, а живую горячую и трепещущую плоть, изо всех сил сопротивляющуюся холодной нержавеющей стали ампутационной пилы. Через два с половиной часа Юсуф вышел из операционной в окровавленном фартуке, дрожащими руками зажег сигарету и расплакался. Виолетта Петровна гладила его по плечу и успокаивала. «Ну же, Юсуф, все хорошо. Ты справился. Ты все сделал как надо». Он и сам знал, что все сделал как надо, но слезы текли, скапливались у крыльев носа и капали с подбородка. Юсуф вздрагивал всем телом и никак не мог успокоиться.

А через три недели он остановился у входа в палату, где лежал выписавшийся из реанимации механик, и услышал слова его матери: «Попал в руки молодому чурке. Был бы наш, может, спас бы Пашеньке ногу. А этот черный... Будет он о людях думать. Оттяпал и все!» Наверное, именно в эту минуту Юсуф решил обязательно вернуться домой.

...Юсуф выбрался из машины. Темный двор какого-то дома. Высокий каменный забор. На ступенях крытой веранды стоял Тайсир. Огромный, бородатый, в черной куртке и мохнатой папахе. Такую же папаху носил дед Юсуфа, скончав-

шийся за год до его отъезда в Россию. Деда считали странным, кое-кто даже сумасшедшим. Последние три года жизни дед целыми днями сидел во дворе под куполом из виноградных листьев и что-то говорил невидимому собеседнику. Как-то Юсуф прислушался. Дед говорил о теплом песке, о море у самого порога. О какой-то беседке, о спальне, окна которой выходят на рыночную площадь. Юсуф спросил у матери, о чем это он? Мать пожала плечами и стала объяснять, что дед болен и потому не стоит прислушиваться к тому, что он говорит. Но как-то дед посмотрел на Юсуфа светлыми глазами и поманил его к себе корявым, вечно согнутым пальцем. Юсуф подошел. В руке у деда был ключ. Большой металлический ключ. Таким пользовались герои любимого Юсуфом фильма про Али-Бабу, открывая сундуки с золотом. Дед протянул ключ Юсуфу. Морщинистые губы старика шевелились. Юсуф прислушался и разобрал. «Это от моего дома. В Яффо. Теперь он твой. Ты должен туда вернуться! Слышишь, Юсуф?!» Юсуф кивнул и хотел вернуть ключ, но дед слабыми руками упорно впихивал чуть тронутый ржавчиной металл в его ладонь. Видя, что старик слабеет и тяжелее дышит, Юсуф сдался. Дед откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Юсуф встал, поправил одеяло на ногах деда. «Твоим родителям туда уже не вернуться, – проговорил старик, не открывая глаз. – А ты сможешь. Я верю. Это хороший дом. Второй этаж... Двор с цветами... И море у самого порога». Подошедший отец услышал эти слова. «Опять он о своем?

Пойдем, не мешай ему спать». Юсуф шел за отцом, крепко сжимая в кармане шершавый ключ. Он понял, что теперь в его жизни появилась цель. Вернуться к двери, которую откроет этот ключ.

Ради этой цели он начал помогать Тайсиру. Потому что Тайсир не говорил и не рассуждал. Он воевал. Стрелял, бросал гранаты, устраивал засады, в которые попадали вражеские солдаты. И Юсуф будет верен ему. Не за деньги и не из страха. А потому что маячит впереди призрачная, но вполне определенная цель.

Тайсир протянул руку и обнял Юсуфа.

– Здравствуй!

Юсуф на мгновение прижался щекой к жесткой материи куртки.

– Хвала Аллаху, ты невредим.

Тайсир отстранил Юсуфа от себя, посмотрел удивленно. Юсуф объяснил – ребята так торопили, что он испугался. Решил, что... Хвала Аллаху, все в порядке.

– Хвала Аллаху, – кивнул Тайсир. – Все наши в порядке.

– А кто ранен?

– Никто, – Тайсир улыбнулся. Юсуф отступил на шаг. Зачем же тогда его привезли? Да еще срочно.

Тайсир молча развернулся и толкнул дверь дома.

За столом сидела семья. Немолодой мужчина, грузная женщина в многоцветном платье и ярком платке, некраси-

вая девушка лет восемнадцати с узкими губами, выдающейся вперед костистой челюстью и длинной шеей, парень лет двадцати пяти и трое подростков. Они чинно ели и даже после того, как Юсуф и Тайсир вошли, не оторвались от своей трапезы. Только девушка и подростки сверкнули глазами в сторону Юсуфа. Один стул во главе стола был пуст. «На нем наверняка сидел Тайсир», – сообразил Юсуф. Он подумал, что Тайсир предложит и ему сесть за стол, что было бы очень кстати, если учесть, что он так и не успел поужинать. Но Тайсир, тяжело ступая, пошел в соседнюю комнату. Юсуф – за ним. В комнате не было ни души. Прямоугольник окна закрыт ставнем. Под окном большой сундук. Юсуф вдруг подумал: если его открыть, в воздухе обязательно появится запах затхлости и нафталина. Тайсир аккуратно прикрыл дверь и обернулся. Юсуф оторвал взгляд от сундука. Что происходит? Зачем его привезли в пустую комнату? У Юсуфа мелькнула шальная мысль: может быть, кто-то его оговорил и Тайсир заподозрил измену. Если так, то из этого дома ему уже не выйти. Он боялся этого. Именно этого он боялся с первой минуты встречи с Тайсиром. Он будет доказывать, твердить о своей верности, о том, как хочет вернуться в дом деда и вся его надежда – это Тайсир и его люди, но ему не будут верить, будут смотреть на него холодными пустыми глазами и требовать его смерти. А потом эти большие мужчины придут в его дом, к Заре и детям... Юсуф резко обернулся к Тайсиру. Тот мягким движением гладил бороду.

– Мы взяли заложника.

Вот оно что. Черные глаза Тайсира светились радостью.

Ему удалось нанести еще один удар по врагу.

– Как это произошло? – Юсуф ждал рассказа о столкновении, о засаде и неожиданном нападении. Но Тайсир лишь покачал головой. Его ребятам не пришлось особо напрягаться. Заложник попался сам. Ехал в поселение «Сады Сиона» и заблудился. Пропустил свой поворот, съехал на проселочную дорогу и оказался в лагере беженцев. Пока пытался развернуться, ребята прострелили колеса машины.

Прострелили... Значит, стрельба все-таки была. Заложник ранен? Тайсир покачал головой. Заложник невредим. Но он немолодой человек. Напуган, конечно. Вероятно, в шоке. Молчит, не говорит ни слова. Вдруг сердце не выдержит. А он нужен живым. За него Тайсир собирается получить много своих бойцов. Юсуф должен привести этого человека в порядок. Тайсир улыбнулся и уточнил. Сделать его пригодным для обмена. Юсуф кивнул. Это его долг. Он сделает все, что в его силах. Тайсир достал из кармана брюк маленький пистолет и протянул Юсуфу. Юсуф поднял глаза.

– Зачем?

Тайсир ткнул пистолет ему в ладонь.

– На всякий случай. Хотя парень закован. Но, сам понимаешь, на что способен человек в минуту отчаяния. А у заложника не должно быть никаких иллюзий. Да и ты будешь чувствовать себя увереннее, когда в заднем кармане лежит

пистолет.

Юсуф осторожно взял оружие.

Из пистолета он стрелял всего один раз. В день окончания школы. Отец дал ему старый «парабеллум» деда и решил расстрелять всю обойму в воздух. Юсуф палил, держа пистолет двумя руками, и упивался его металлической тяжестью, запахом пороха и отдачей после каждого выстрела. Он стал мужчиной и занимается мужским делом – стреляет из пистолета. Пистолет грохотал и дергался, будто старался вырваться из рук. Гильзы сыпались вокруг, звеня о каменные плиты двора. И вдруг все закончилось. Пистолет дернулся в последний раз, но выстрела не было. Юсуф понял, что закончились патроны. Он опустил руки и внимательно рассмотрел пистолет. «Парабеллум» был красив. Черный блестящий корпус, рифленая коричневая рукоятка, сверкающие шишечки по обеим сторонам ствола. Пистолет еще дымился, оружие дышало, как уставший человек, выполнивший тяжелую работу. Юсуфу очень понравилось это мужское занятие. Но пистолет, который он взял из рук Тайсира, его смутил. Ему бы не хотелось пускать его в ход. Одно дело палить в воздух или по мишени, но стрелять в человека, тем более безоружного. Наверное, он не готов становиться убийцей.

Под пристальным взглядом Тайсира Юсуф опустил пистолет в задний карман брюк и вспомнил, как после второго курса его включили в состав студенческого строительного отряда. Они строили водонапорную станцию в маленьком

селе под Архангельском. Юсуф и два его приятеля работали на верхнем этаже. Мастер ловко клал стену, сокурсники Юсуфа месили раствор, а он подносил кирпичи, которые специальной машиной поднимали к окну почему-то на противоположной стороне комнаты. Кирпичи были тяжелые, Юсуф таскал по четыре-пять штук, но все равно не успевал. Мастер клал быстро и покрикивал, дескать, давай кирпичи, не спи. Приятели поглядывали на красного, потного Юсуфа и давали советы.

– Ты их не носи, а бросай, – сказал один.

Юсуф подумал и решил попробовать. Сбегал вниз, притащил соломы, постелил ее около мастера, и работа пошла. Кирпичи летели и падали на солому. Когда на соломе скапливалось два десятка кирпичей, Юсуф укладывал их ровным штабелем и вновь начинал бросать. Получалось и быстрее, и легче. Мастер протестовал, ворчал что-то о безопасности труда. Боялся, что кирпич попадет в него. Но будущие врачи только посмеивались над опасениями отсталого производственника.

– Научная организация труда! – кричал развеселившийся Юсуф. – Слышал о такой штуке, отец?

Он приноровился так бросать кирпичи, чтобы они не падали один на другой и не ломались. Один бросал ближе к себе, другой – дальше. Бросал весело и задорно до тех пор, пока один из кирпичей не перелетел через недостроенную стену. Снизу раздался удар, а потом крик. Юсуф похолодел.

Прятели и мастер, как по команде, прекратили работу.

– Ну, парень, ты попал, – злорадно сказал мастер. – Срок ты себе заработал. И немалый. А я говорил тебе: не бросай!

Юсуф перевел взгляд на приятелей. Те виновато молчали. Вокруг него вдруг начала расти стена. Она становилась выше с каждой секундой, она отделяла его от приятелей и мастера. Они были свободными людьми. Сейчас они закончат работу и пойдут ужинать. А его повезут туда, откуда ему уже никогда не выйти. Юсуф ощутил на запястьях стальной холод наручников. Но это было не главным. Главное – он отнял чужую жизнь. Только что, мгновение назад какой-то, пока неизвестный ему человек дышал, думал, планировал вернуться вечером домой, поцеловать жену, повозиться с детьми. А теперь этого не будет. Потому что такой идиот, как он, не рассчитал силу броска. Нет, нет, нет ему прощения!

– Ну, извини! – услышал Юсуф крик одного из приятелей и даже не сразу сообразил, что эти слова не относятся к нему. Приятели перегнулись через стену и смотрели вниз. Юсуф метнулся через комнату, растолкал приятелей и тоже перегнулся через недостроенную стену. Внизу стояли трое незнакомых строителей, а между ними на бетонном основании фундамента будущей водонапорной станции лежал кирпич, расколотый надвое.

– Силу не рассчитали! – крикнул приятель Юсуфа. – Больше не будем кидать!

Один из строителей выругался. Другой поднял половинку

кирпича и подбросил в руке. Было непонятно, что он хочет сделать. То ли оценить последствия попадания такого кирпича в голову, то ли забросить его к ним на этаж. Юсуф отошел от стены, сел на пол и закурил. Из-за такой ерунды жизнь могла круто измениться. Что бы он сказал родным убитого им человека? Что сказал бы самому себе? Какое счастье, что все обошлось! Юсуф встал на колени и, ощущая на спине удивленные взгляды, коснулся лбом холодного бетона.

– Ишь, как проняло, – проворчал мастер и тут же добавил: – Ты кирпичи давай, парень! Это у вас, студентов, шарашка. А у меня план, а ты задерживаешь, ... Тайсир подошел к большому сундуку, стоящему в углу, и одним движением отодвинул его от стены. Открылись каменные ступени, уходящие вглубь. Тайсир заметил восхищенный взгляд Юсуфа, и его тонкие губы едва заметно растянулись в улыбке. Он первым шагнул на ступени. Юсуф шел за ним, автоматически считая шаги. Ступеней оказалось шестнадцать. Глубокий подвал, подумал Юсуф, каждая ступенька сантиметров по двадцать. Значит, больше трех метров.

Под землей он увидел широкий коридор с цементными стенами, освещенный светом двух люминесцентных ламп. Посреди коридора стоял раскладной стол. Около него развалились в ветхих плетеных креслах двое парней. На столе лежали автоматы. Увидев Тайсира, парни подхватили автоматы и вскочили. Тайсир коротко кивнул. Один из парней пошел по коридору к обитой железом двери. Тайсир и Юсуф

за ним. Парень достал связку ключей и помедлил, выбирая нужный. Юсуф посмотрел на Тайсира. Тот ободряюще кивнул. Заскрипел ключ в замке, и дверь открылась.

* * *

Заложник сидел за столом спиной к двери. Повинуясь жесту Тайсира, Юсуф подошел ближе. К грубой деревянной столешнице были накрепко прикручены короткие цепи, заканчивающиеся стальными кольцами. Они обхватывали запястья заложника, оставляя ему минимальную свободу движений. Заложник смотрел прямо перед собой в бетонную стену, и губы его шевелились. «Молится, – усмехнулся Юсуф, – в такие минуты о боге вспоминают даже самые отчаянные атеисты».

– Шалом!

Это было единственное слово, которое Юсуф знал на иврите. Заложник не ответил, только заметно напрягся, то ли ожидая удара, то ли понимая, что сейчас его будущее хоть как-то прояснится. Тайсир прав. Вероятно, шок. И довольно тяжелый. Юсуф повторил приветствие. Он старался говорить спокойно, чтобы не напугать этого человека. Тот поднял голову. Их взгляды встретились. Юсуфа вдруг охватила смутная тревога. Что-то в облике заложника было неожиданным. Но понять, что именно, Юсуф не мог. Вроде человек как человек. Не молод. Лет пятидесяти с лишним. О

возрасте говорили, пожалуй, только морщины на лбу, едва наметившийся второй подбородок и небольшие мешки под глазами. Но ни старческих пятен, ни кровяных жилок на лице заложника не было. Одет аккуратно. Даже пижонски. Яркая бирюзовая рубашка навыпуск, васильковые джинсы, белые мягкие туфли. Чуть грузноват. Несмотря на то что заложник сидел, Юсуф разглядел под широкой рубашкой наметившийся животик. Наверняка ехал в гости. Предвкушал вкусный ужин и встречу с друзьями или родными. А оказался в подвале, в наручниках под присмотром людей Тайсира. Такая вот судьба. Руки заложника, обхваченные стальными кольцами, лежали на столе. Пальцы длинные, ногти аккуратно подстрижены. Обычный человек. Может быть, программист? Или адвокат? А вдруг коллега-врач? Что же неожиданного в его облике? Юсуф еще раз взглянул на заложника и понял. Глаза. Заложник смотрел на Юсуфа светлым и спокойным взглядом. На его губах играла улыбка, которую можно было посчитать даже доброжелательной. Он не был похож на затравленного зверя, которого ожидал увидеть Юсуф. Скорее, на кинозрителя, только что посмотревшего любимый фильм и еще переживающего похождения главных героев. Заложник медленно перевел взгляд с Юсуфа на Тайсира, все еще стоящего у двери, и кивнул.

– Шалом!

Услышав голос заложника, Тайсир развернулся и вышел, осторожно прикрыв за собой тяжелую дверь. Юсуф подо-

ждал, пока щелкнет замок, и заговорил медленно, подбирая каждое слово. Вы говорите по-английски? Заложник виновато улыбнулся и сложил фразу.

– I speak English, but not so good.

Юсуф развел руками. Жаль. А он, к сожалению, не говорит на иврите. Заложник слушал, чуть склонив голову, вероятно, пытаясь понять каждое слово. Юсуф задумался. Что же делать? Препятствие неожиданное и неприятное. Языковой барьер сильно осложнит его работу. Объясниться жестами, конечно, можно, но никакой доверительности, необходимой врачу, чтобы успокоить пациента и вселить в него уверенность для снятия шока, не достичь. Заложник, тщательно подбирая слова, сложил еще одну фразу. Если честно, он и на иврите говорит не очень хорошо. Хотя прожил в Израиле много лет. По-настоящему хорошо он говорит только по-русски. Ведь это его родной язык. Юсуф вскинул голову. По-русски! Заложник улыбнулся широкой детской улыбкой. Вот уж чего он не ожидал, так это услышать в этом подвале русскую речь. Юсуф пояснил. Он учился в России. Прожил там десять лет. В Саратове. Заложник вздохнул. А он никогда не был в Саратове, хоть прожил в России почти сорок лет. Жаль. Помолчал и добавил:

– Простите, что я не сразу ответил на ваше приветствие. Я не заметил, как вы вошли. Задумался.

Это «задумался» удивило Юсуфа даже сильнее, чем спокойный взгляд заложника. Вопрос «О чем?» вырвался ма-

шинально. В предложенных обстоятельствах вопрос прозвучал нелепо. Заложник тяжело вздохнул. Конечно, о том, что произошло. Надо же было так вляпаться! Заложник возмущенно дернул плечами. И главное, его предупреждали, чтобы не ездил в «Сады Сиона» в одиночку. Географический кретинизм – это навсегда! Он всегда знал, что этот кретинизм когда-нибудь сыграет с ним злую шутку. Но никогда не предполагал, что настолько злую.

Заметив в глазах Юсуфа какое-то непонимание, заложник поспешил объяснить. Оказывается, он никогда не мог найти дорогу. Даже по карте. Всегда сворачивал не туда. Ему объясняли, рисовали дорогу со всеми светофорами, но и в этом случае ему случалось запутаться. Конечно, ему не стоило пускаться в такой опасный путь без сопровождающих. Но так получилось. Сыновья задержались на работе, а он хотел успеть до наступления субботы. Думал, блокпосты не дадут свернуть не туда. Но... Видите, как получилось... Ошибся.

Ошибся... Похоже, он не осознает всю сложность своего положения. Он говорит так, будто попал в какую-то пустяковую переделку. Что это? Идиотизм или бравада? На идиота, не способного оценить ситуацию, он не похож. Значит, бравурует. У парня крепкие нервы, если он решил сыграть в игру под названием «Я вас не боюсь». Глупая бравада. Он просто не понимает, с кем связался. Он не в тюрьме, где заключенные, может быть, и оценили бы его спокойствие и уверенность. Тайсиру нет дела ни до его внутреннего мира, ни до

морально-волевых качеств. Он привез сюда этого человека для решения конкретной задачи. И он эту задачу решит. В противном случае заложнику придется умереть. Пришла пора объяснить всю нелепость его поведения. Юсуф всегда выступал за прямоту в отношениях и спорил с Зарой, которая была убеждена, что объяснять каждому ошибающемуся всю глубину его заблуждений неудобно, неприлично и не принято в цивилизованном обществе.

– А если не объяснять, – горячился Юсуф, – значит, человек ничего не поймет, и будет совершать такие же ошибки и дальше.

– А ты не общайся с таким человеком, – спокойно парировала Зара. – Вот и вся проблема.

– Почему же не общаться? – не понимал Юсуф. – Может быть, он хороший человек и его можно исправить, если объяснить, в чем именно он ошибается.

На этих словах Зара улыбалась и гладила его по голове. Юсуф понимал: не согласна, но не хочет продолжать спор. Почему? Это же элементарно. Любого человека можно исправить с помощью прямого и честного разговора...

Юсуф подошел к столу и встал перед заложником.

– Послушайте!

Заложник поднял глаза. Юсуф осекся. А что, если Зара права? Не слишком ли он жесток в своей прямоте? Перед ним сидит немолодой человек, который не может ни встать, ни даже поднять руку. Должен ли Юсуф заниматься его пе-

ревоспитанием? Ему все равно не переделать этого человека на пороге смерти. Кем бы ни был заложник, идиотом или смельчаком, но он уже вошел в аллею, ведущую к саду небытия. И его шансы покинуть эту аллею и вернуться в мир живых очень невелики. Потому Юсуф будет милосердным. Юсуф заговорил, стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче. Он врач. Он очень хочет помочь преодолеть последствия шока. Есть ли у пациента какие-нибудь жалобы, хронические заболевания или аллергии, о которых следует знать врачу? Заложник мотнул головой. Его руки, схваченные стальными кольцами, развернулись ладонями вверх.

– Благодарю вас, доктор, но у меня нет жалоб на здоровье.

Жалоб на здоровье! Нет, этот человек решительно не понимает отчаянность своего положения. Терпение Юсуфа не безгранично. Милосердие милосердием, но бравада явно затягивается. Без объяснений, похоже, все-таки не обойтись.

Юсуф заговорил, подбирая каждое слово и стараясь обойтись без резких интонаций. Заложник находится в руках организации «Отряды народного сопротивления». Его будут удерживать в этом подвале до тех пор, пока правительство Израиля не согласится на обмен. В глазах заложника появился интерес. На кого его хотят обменять?

Точного ответа на этот вопрос Юсуф не знал, но виду не подал.

– На несколько сотен бойцов нашей организации.

Заложник разочарованно покачал головой и откинулся на

спинку стула. Ну что вы! Кто будет платить такую высокую цену за его освобождение? Возможно, «Отряды народного сопротивления» его с кем-то спутали. Он вовсе не важный человек в своей стране. У него нет ни званий, ни должностей. И секретов он никаких не знает. Юсуф остановил заложника движением руки.

– Все это не важно. Вашему правительству придется заплатить высокую цену!

Эти слова прозвучали излишне торжественно. Заложник промолчал, всем своим видом говоря: «Вы, конечно, ошибаетесь, но в мои обязанности не входит исправлять ваши ошибки или переубеждать вас». Раздражение Юсуфа усилилось. Он даже ощутил сухость во рту, всегдашнюю предвестницу взрыва. Стоп! Только не вспылить. Это недостойно врача и мужчины. Врач должен терпеть причуды своих пациентов. Никакой злости. Надо просто сбить этого человека с его идиотского тона. Понимает ли он, чем обернется для него отказ его правительства? Заложник кивнул. Конечно, понимает. Его, вероятно, убьют. Когда у людей не получается решить придуманные ими проблемы, они предпочитают разрушить все, что их окружает.

Юсуф усмехнулся. Этот человек, похоже, считает себя философом. Обобщает свои идеи на все человечество. Юсуф хотел сказать что-нибудь ироничное, но заложник его опередил. Пока ситуация не определилась, пока переговоры, пока то да се, у него будет время отоспаться и почитать.

У Юсуфа появилось ощущение нереальности происходящего. «Отоспаться и почитать». Не сошел ли с ума этот тип? Только псих может рассуждать так. Только самый настоящий законченный псих. Юсуф смотрел на заложника. Нет, он не псих. Он далеко не псих. У психа не может быть такого внимательного и ясного взгляда. Сумасшедшие вообще не в силах концентрировать взгляд. Это Юсуф помнил из курса психиатрии, который им читали на четвертом году обучения. Неужели этот человек считает, что в этом подвале он будет отсыпаться и читать? Или все-таки псих?

Заложник дернул рукой. Стальные кольца коротко звякнули. Он надеется, что его не будут держать прикованным к столу постоянно? Юсуф кивнул. Конечно, не будут. Наручники – вынужденная мера. Заложник не понял, вскинул на Юсуфа удивленный взгляд. Чтобы не возникло соблазна напасть на врача. Ведь в этом случае Юсуфу придется его убить. Демонстративным жестом Юсуф положил руку на задний карман брюк и даже через плотный материал ощутил стальной холод пистолета. Пусть этот человек знает, что он вооружен. Как сказал Тайсир? Чтобы не было никаких иллюзий.

Подбородок заложника дернулся, и взгляд стал напряженным. Не стоило его пугать, подумал Юсуф. Заложник, насколько позволили цепи, поднял руки над столом. Он не собирается ни на кого нападать. А что касается обещания убить его... Странно, что уважаемый доктор так спокойно

об этом говорит. Неужели он считает, что человека можно убить легко и безнаказанно?

В глазах заложника мелькнуло недовольство, и тон стал укоризненно-насмешливым. Юсуф провел ладонью по щеке, будто хотел убедиться, что гладко выбрит. Все это, конечно, очень странно. Он ожидал чего угодно. Истерик, просьба о пощаде, жалоб на слабое здоровье, приступа эпилепсии, но только не дурацких философских рассуждений. Раздражение все-таки прорвалось, как ни старался Юсуф сдержаться. Глаза сузились, и голос зазвучал вызывающе. Да, он считает, что человека можно убить легко и безнаказанно. В человека можно выстрелить. Можно ударить его топором или камнем по голове. Человеку можно перерезать горло. Отравить. Повесить. Утопить. А еще человеку можно подложить взрывчатку, обрушить на его голову бомбу. И все это происходит с тысячами людей. Их убивают ежедневно, в разных концах света. Причем совершенно безнаказанно. В большинстве случаев. К сожалению, это реалии сегодняшней жизни. Заложник терпеливо дослушал до конца и махнул рукой.

– Я говорю не об этом...

Резкое движение рукой не прошло бесследно. Цепь натянулась, стальной браслет врезался в кожу на запястье, и заложник поморщился от боли. Юсуф пожалел, что не сдержался. У этого человека шок. Обычный нейрогенный шок. С явными симптомами. Как там было в учебнике? Чувство страха и неуверенности, слабость и беспомощность. Все при-

знаки налицо. Заложник плохо понимает, что с ним происходит, дезориентирован и не очень точно контролирует речь. А он, врач, призванный облегчить состояние больного, позволил себе увлечься разговором о какой-то абсолютной ерунде. Зара права. Он вспыльчивый. Вспыльчивый и увлекающийся. И ничего с этим не поделаешь. Занятый своими мыслями, Юсуф не сразу услышал следующую фразу заложника.

– Я говорю лишь о том, что пулей, ножом, ядом, топором и бомбой можно убить лишь физическое тело. А как быть с душой?

Юсуф, увлеченный своими мыслями, даже не сразу понял, о чем он говорит.

– С чем?

– С нашей бессмертной душой, – повторил заложник. Повторил как-то не торжественно, а просто и обыденно.

Все ясно. Этот тип не сумасшедший. Он сторонник нелепых теорий и глупых парадоксов. Всех этих кармических превращений, дуальных пар, цветных аур и объяснений, почему внешнее равно внутреннему. Но копаться во всем этом Юсуф не намерен. Душа тут совершенно ни при чем. Она возносится в свои райские кущи, и беспокоиться о ней нечего.

– Как раз о душе стоит побеспокоиться. – Заложник поднял глаза, и Юсуф прочел в них решимость во что бы то ни стало довести свою мысль до логического завершения. – Но не убитому. Его душа, действительно, возносится в райские

кущи. Беспokoиться о своей душе придется убийце!

– При чем тут душа убийцы? – не понял Юсуф. – Она остается в его теле. Никуда не девается. Может, вы имеете в виду угрызения совести? Так это...

– Простите, доктор, я не имею в виду угрызения совести или какие-либо иные абстрактные понятия. – Глаза заложника превратились в узкие щелочки, и голос приобрел бетонную твердость. – Когда мы умираем и наши души уходят в духовный мир, энергии материального мира, наполняющие нас, все эти энергии злости, ненависти, зависти, страха смерти, энергии эгоизма, гордыни и прочие уходят в землю вместе с нашим физическим телом. – Заложник замешкался, словно паузой хотел подчеркнуть значимость того, что он собирается сказать. – Когда происходит убийство, земля не принимает негативные энергии убитого. В мире существует гармония, и мироздание не терпит ее нарушения, в том числе появления непредвиденных негативных энергий. Эти энергии вынуждена принять душа убийцы. Они повиснут на ней тяжким грузом, и тащить этот груз душе убийцы придется в другие жизни, во многие другие воплощения. – Заложник тяжело вздохнул, словно сожалея о тяжелой судьбе убийцы, развел руками, насколько позволяла цепь наручников, и закончил: – Избавляться от этих энергий убийце придется в течение многих лет. А может быть, десятилетий и веков. Много его следующих воплощений будут отравлены этими черными энергиями.

Заложник по-детски виновато шмыгнул носом, выражение его лица говорило: «Простите, но моим долгом было сказать вам все это». Юсуф молча смотрел на него, пытаясь оценить сказанное. Заложник не выдержал долгую паузу.

– Убивая физическое тело другого человека, убийца наносит тяжелый удар по своей бессмертной душе, – сказал он. – Поверьте, доктор, это неравный обмен. Очень неравный.

– Бред!

Юсуф попытался сдержаться, но слово вырвалось. На лице заложника появилось выражение покорности. Видно, он часто слышал подобные реплики в ответ на свои речи. Юсуф опять пожалел о своей горячности и даже мысленно обозвал себя «ослом». Заложник вздохнул и неожиданно кивнул.

Увы, ему часто говорят такое. Конечно, его слова многим непонятны. И он вовсе не мастер говорить и не всегда может выразить свои мысли достаточно точно. Но он точно знает, что прав. И если посмотреть на ситуацию с точки зрения логики духовного мира...

Стоп!

Юсуф решительно поставил на стол свой саквояж. Хватит! Все это заходит слишком далеко. Он не намерен продолжать этот разговор. Мрачный подвал, в котором содержится захваченный заложник, не место для бесед о логике духовного мира... Нет, нет, он не станет ни спорить, ни даже возражать. Он просто введет этому человеку полиглюкин, а потом попросит людей Тайсира снять с него наручники и дать ему

выспаться. Если, конечно, они хотят, чтобы дожил до обмена в здравом уме. Юсуф достал одноразовый шприц, встряхнул бутылочку с лекарством. Сейчас-сейчас. Лекарство подействует минут через десять. А потом все пойдет своим чередом. Без этих нелепых фантазий.

– Это не фантазии. – Голос заложника прозвучал глухо, но твердо. – Боюсь, это совсем не фантазии, доктор.

Шприц замер в руке Юсуфа. Возможно, он произнес слово «фантазии» вслух? Или этот человек читает сокровенное? В голове неожиданно мелькнула мысль, неприятно поразившая его. А что, если этот человек вовсе не в шоке? А что, если он опытный и хитрый агент и готовит какую-то ловушку? А что, если спецслужбы врага, которые давно охотятся на Тайсира, специально подсунули ему этого человека? Юсуф положил шприц на стол. Похоже на правду. Как сказал Тайсир? «Он сам приехал к нам. Мы только прострелили колеса его машины». Значит, приехал сам. Подставная утка. Опытный и дерзкий агент, знающий, как и с кем говорить. Если это так, то на его теле наверняка закреплены хитрые датчики и дом уже окружает спецназ. Но ведь Тайсир утверждал, что заложника обыскали? Ерунда! Его же не раздевали догола. Наверняка у спецслужб есть какая-нибудь новая технология, которая позволяет вживлять передатчики под кожу. От этих мыслей Юсуфу стало не по себе. В любой момент сюда могут ворваться солдаты. Юсуф физически ощутил на спине чужой прицел и поежился.

Заложник уловил перемену настроения собеседника.

– Что вас беспокоит, доктор?

Юсуф, гремя металлической крышкой, вернул шприц в металлический бикс. Нет, этот заложник просто наглец. Сидит в подвале с наручниками на запястьях и скорой гибелью в перспективе и спрашивает, что беспокоит доктора. Все! Хватит! Никаких уколов и душещипательных бесед. Юсуф уложил бикс в саквояж и поднял глаза.

– Могу ли я сделать для вас что-нибудь еще?

Заложник кивнул. Его взгляд стал тревожным. Он явно не понимал причину резкой перемены настроения доктора.

– Да, пожалуйста. – В его голосе появились виноватые нотки. – Если вам не трудно. В одном из карманов моей куртки лежит книга. Вы могли бы подать ее мне?

Юсуф кивнул, огляделся и пошел к кровати, на которой лежала темно-синяя куртка с большими накладными карманами. В одном из карманов он действительно нашел книгу небольшого формата. Взглянул на обложку. «Пятикнижие Моисея». Жесткий темно-бордовый переплет. Золотистые разводы в центре сходятся в витиеватую конструкцию из овалов, треугольников и острых углов. Юсуф хотел молча подать книгу и уйти, но не удержался. Взгляд заложника показался ему насмешливым, и Юсуфу захотелось сказать что-то язвительное.

– Откровение о душе убийцы и о негативных энергиях, которые она принимает, вы прочли в этой книге? – Юсуфу

показалось, что его голос прозвучал излишне весело.

– В этой, – кивнул заложник и продолжил с вызовом, словно, не замечая тона Юсуфа: – В этой книге вообще много интересного.

– Вот как? – Вызов в голосе заложника задел Юсуфа, он решил не сдерживаться и продолжил язвить. – И вы рассчитываете увлечь этой книгой своих охранников? Преподавать им урок морали и нравственности? Напрасный труд. Этих людей не сбить с пути нравочениями.

Заложник поднял голову. Юсуф вновь прочел в его глазах тоску и тревогу и пожалел о том, что сказал. С чего это его потянуло на иронию? К чему в этом подвале, в такой ситуации ирония? Заложник звякнул сталью наручников. Взял книгу из рук Юсуфа и бережно положил ее на доски стола.

– При чем тут нравочения? О чем это вы, доктор? В этой книге нет никаких нравочений. И никаких уроков нравственности и морали.

Голос заложника прозвучал как-то очень буднично. Юсуф решительно уложил бикс в саквояж и решил оставить за собой последнее слово.

– Простите, но по этому поводу у меня несколько иное мнение.

Заложник следил за Юсуфом с легкой улыбкой на губах.

– Вот как? – Заложник кашлянул, словно пытался скрыть смущение, вызванное тем, что ему приходится вступать в спор. – Это мнение основано на ваших личных впечатлени-

ях?

Юсуфу не понравились ни сама фраза, ни тон, которым она была произнесена. Он поморщился и захлопнул саквояж. Разговор окончен. Он не намерен терпеть насмешки в голосе, даже от испуганного заложника. Он выполнил свой врачебный долг и больше ничего не должен этому человеку.

– Нет, – сказал Юсуф, делая шаг к двери. – Я сам этой книги, разумеется, не читал. Но мои саратовские приятели, среди которых были и евреи, и христиане, называли эту книгу основой нравственности и морали.

– И вы, доктор, поверили своим приятелям на слово?

Юсуф остановился. Уж не считает ли этот человек его полным профаном?

– Поверил. Если я не ошибаюсь, именно в этой книге записаны все эти «не убий» и «не укради» и прочие положения ваших моральных устоев.

– Положения «не убий» и «не укради» действительно записаны в этой книге. – Заложник сделал ударение на слово «положения», и на его губах мелькнула улыбка. – Но какое отношение они имеют к морали и нравственности?

Юсуф шумно выдохнул воздух. Сейчас главное не сорваться. Этот человек просто заводит его. Не стоит обращать внимания. Юсуф занес руку, чтобы стукнуть в дверь.

– Все эти положения, – глухо сказал заложник ему в спину, продолжая выделять слово «положения», – это просто практические рекомендации.

Юсуф замер с поднятой рукой. Что за ерунда? Что значит практические рекомендации? Какие практические рекомендации? Рекомендации чего? Заложник раскрыл книгу и зашуршал страницами, бормоча «сейчас, сейчас вы убедитесь». Юсуф обернулся, но от двери не отошел. Выражение нетерпения на его лице заставляло заложника торопиться и нервничать. Заложник разгорячился, на его щеках даже появился румянец. Он листал книгу в одну и в другую сторону и наконец нашел место, которое искал. Заложник поднял глаза на Юсуфа.

– Вот послушайте. Книга описывает возвращение еврейского войска после войны с Мидьяном. В лагере солдат встречает пророк Моисей. Он гневается на военачальников...

Заложник, торопясь, поднес книгу к глазам и прочел нараспев.

– И сказал им Моисей: «Вы оставили в живых всех женщин. Убейте всех малых детей мужского пола и всякую женщину, которую познал мужчина, убейте. Всех же малых детей женского пола, которых не познал мужчина, оставьте в живых для себя».

Заложник поднял голову и сказал голосом полководца, объявляющего о взятии чужой крепости:

– Ваши саратовские приятели называли эту книгу основой морали и нравственности, доктор. И вы с ними соглашались. Как вам эта цитата с точки зрения современной морали? Или

нравственности?

Юсуф молча стоял у двери. Заложник улыбнулся. Он явно хотел оставаться серьезным, но не получилось и оттого улыбка получилась странной. Верхняя губа поползла к носу, обнажая мелкие ровные зубы.

– Вы и сейчас согласны с точкой зрения ваших саратовских приятелей, доктор?

Юсуф сделал шаг к столу. В его глазах мелькнуло молчаливое признание собственного поражения. Но признавать это вслух он не спешил.

– Ну, хорошо. Чем же тогда так ценна эта книга для вас? – Он помедлил и добавил: – Для вас всех. Как литературный памятник? Или историческое свидетельство?

Заложник покачал головой.

– На историческое свидетельство эта книга никак не тянет. Никаких доказательств реальности египетских казней нет до сих пор. Как нет подтверждений того, что перед евреями расступалось море. И какое это было море? В книге оно определено, как «Камышёвое». – Заложник положил ладонь на бордовую обложку. – Теологи до сих пор спорят, что это за Камышёвое море. И вообще, выходили ли евреи из египетского рабства? Нет, нет, учить историю по этой книге я не рекомендовал бы никому.

Заложник снял невидимую соринку с бордовой обложки и улыбнулся. Его губа вновь поползла вверх.

– И литературным памятником эту книгу не назовешь.

Увы, но в ней нет ничего из того, что превращает простой текст в настоящую литературу. Ни ярких образов, ни сочного языка, ни удивительных метафор. В ней нет даже точно выстроенного сюжета. Описания скупы. Много повторов и неясностей. Разные части противоречат одна другой. Нет, нет. – Заложник покачал головой и строго взглянул на Юсуфа, будто тот старался убедить его в обратном. – Шедевром литературы эту книгу никак не назвать.

Юсуф вернул на стол свой саквояж.

– Если это – не выдающийся исторический труд, не литературный шедевр, не основа современной морали, не учебник нравственности, – сказал он, – то почему же тогда именно эту книгу вы называете Книгой Книг?

– Именно поэтому, доктор. – Заложник смотрел на Юсуфа снизу вверх и потому его глаза казались широко распахнутыми. – Будь эта книга каким-нибудь историческим памятником, она была бы малоинтересна. Исторических памятников много. Финская «Калевала» тоже рассказывает о сотворении мира. Мифы Древнего Рима гораздо более совершенны с литературной точки зрения. А мифы Древней Греции гораздо более достоверны с точки зрения истории...

Заложник перевел дух, словно размышляя, стоит ли произносить следующую фразу. Инстинктивно поняв, что заложник сделал паузу перед фразой, которой он придает большое значение, Юсуф подался вперед и оперся ладонью о стол.

– В этой книге, – вновь заговорил заложник, – записаны правила управления энергиями, из которых создано все в материальном мире. В том числе и человек.

Юсуф почувствовал, как на мгновение сжалось сердце. «Энергии, из которых создано все в материальном мире». Он эту фразу уже слышал. Определенно слышал. Много лет назад. И он даже помнит, где именно. На той университетской вечеринке. С математиками.

...Эти математики были странными парнями. Сами напросились на вечеринку. Обещали принести спиртное на всех. Будущие медики смеялись. Конечно, нелегко учиться, если в группе одна девчонка на десять парней. Волком взвешешь. Но зачем им эти вялые очкарики? Не из-за спиртного же. Спиртное они и сами могут купить. Спорили долго, но на вечеринку пригласили. Математики пришли вшестером. Спиртное принесли на всю компанию. Но сами почти не пили. И весь вечер спорили, вместо того чтобы танцевать и «клеить» девчонок. О какой-то теореме Ферма, о «черных дырах» и будущем человечества. И что интересно, девчонки сами липли к ним. Сидели вокруг и молча слушали рассуждения очкариков, стреляя глазками то в одного, то в другого.

Наконец Юсуфу это надоело, и он пошел в кухню, куда переместились подальше от громкой музыки очкарики и их поклонницы. Несмотря на открытую форточку, под потолком кухни лениво колыхались клубы табачного дыма. Математики сидели на табуретках вокруг стола. У четверых из

них на коленях расположились медички, опираясь локтями о стол. Остальные девушки сидели на подоконнике и на принесенных стульях. На вошедшего Юсуфа никто не обратил внимания. Бородатый математик, упрямо навалившись грудью на стол, что-то доказывал своим оппонентам. «Я исхожу из того, – продолжал он начатую фразу, – что материальный мир един во всех своих проявлениях!» Математики напряженно слушали. Девушки не сводили глаз с говорившего.

Юсуфа охватил смех. Вот, значит, какой чепухой они забивают головы доверчивым слушательницам. Что за бред? Как материальный мир может быть «един во всех своих проявлениях». Вот он, Юсуф – проявление материального мира. И стол, вокруг которого они сидят, – тоже проявление. И пепельница на этом столе. И очки всех этих очкариков. И что между ними общего? Люди состоят из плоти и крови, столы – из дерева, пепельницы (Юсуф покосился на вазу, полную окурков) – из металла, очки – из стекла и пластика. О каком единстве они здесь толкуют?

Прерванный Юсуфом бородатый математик тяжело вздохнул и развел руками.

– Единство материального мира не подвергается сомнению ни одной философской школой, – недовольно сказал он. – С этим согласны все. Греческие, итальянские и немецкие философы, иудейские мудрецы, основоположники буддизма, мусульманские математики и астрономы.

Бородатый неуверенно покосился на окружающих и доба-

вил:

– Хотите, чтобы я объяснил?

Юсуф деликатно промолчал.

– Вы говорите о материи, – начал математик, поднял глаза на Юсуфа и добавил: – О веществе. На этом уровне единства действительно нет, но стоит нам перейти на другой уровень... Хотя бы на уровень...

– Не сейчас, Паша! – перебил сидящий напротив него бородач. – Ликбез проведешь после. Доведи до конца свою мысль.

Остальные закивали, а девушки покосились на Юсуфа так, что он ощутил себя болезнетворным микробом, вторгшимся в здоровый организм. Слово «ликбез» больно укололо, но он решил не связываться. Просто повернулся и пошел курить на балкон.

И только через несколько часов, поднявшись в своей квартире с молитвенного коврика, он понял, о чем говорил бородач. На уровне материи у людей, состоящих из плоти и крови, нет ничего общего ни со столами, ни с пепельницами, ни с очками. Но если перейти на уровень молекул, то единство сразу появится. Ведь молекулы воды есть и в его плоти, и в дереве, и в пластике, и в стекле, и в металле. Как и многие другие молекулы. Значит, единство все-таки есть. А если перейти на уровень атомов?

Юсуф аккуратно сложил коврик. Атомы человека отличаются от атомов стекла, металла или пластика только числом

электронов и протонов. А если взять эти самые электроны и протоны? Они отличаются друг от друга только размерами и величиной заряда. А еще более мелкие частицы, которые постоянно открывают вот такие очкарики? Их вообще не отличить друг от друга.

Но тогда получается... Юсуф уложил коврик на полку. Он привык доводить каждую мысль до логического завершения, и в мозгу мгновенно сложилась формулировка. Тогда получается, что, при стремлении размеров вещества к нулю, его единство с другими веществами стремится к бесконечности.

Юсуф улыбнулся своим мыслям. Он начал говорить математическими терминами. Неужели общение с очкариками так заразно?

Юсуф стянул со стула полотенце и пошел в душ. Хорошо. Рассуждаем дальше. Если при уменьшении размеров материи ее единство с другими материями увеличивается до бесконечности, значит, есть некая точка, в которой размеры материи равны нулю, а единство с другими материями бесконечно. Что это за материя, размеры которой равны нулю?

Юсуф остановился. Это уже не материя, а какая-то субстанция, которую нельзя ни увидеть, ни потрогать, ни услышать, ни даже почувствовать. Микроскоп дает возможность разглядеть мельчайшие частицы. Но эти частицы имеют хоть какой-то размер, отличный от нуля. А что значит «единство бесконечно»? Это значит, что из этой субстанции создано все в материальном мире. Включая человека.

От неожиданности Юсуф остановился на пороге душевой. Философы правы. И эти очкарики правы. Материальный мир един во всех своих проявлениях. Потому что Аллах создал эти проявления из единой субстанции, которую, наверное, и следует называть энергией.

Впечатленный собственной мудростью, Юсуф полез под душ. Он любил горячую воду. Под жесткими струями тело становилось чувствительным и легким, воспаряло и поднималось куда-то в неведомые выси. Юсуф подставил под воду голову и намылил густые черные волосы, продолжая размышлять.

Но, если это так... Если Аллах сотворил весь этот мир из единой энергии, то он должен был дать человеку возможность этой энергией управлять. Иначе в чем смысл Творения? Юсуф оперся рукой о стену. Вода текла по лицу сплошным потоком, так, что он не мог открыть глаза. Если Аллах сам дает энергию своим созданиям и сам ее отбирает, то для чего нужен мыслящий человек? И чем этот человек отличается от животного? Конечно, человек должен управлять всеми этими энергиями. Но как? Кто знает ответ на этот вопрос?

На следующий день Юсуф схватил за рукав в студенческой библиотеке бородатого математика и задал ему этот вопрос. Бородач внимательно выслушал Юсуфа, но про управление энергиями ничего сказать не мог.

– Я никогда даже не думал об этом, – сказал он, буравя

Юсуфа уважительным взглядом. – Но вы, конечно, правы. Должен быть способ управлять этой энергией, из которой создано все. Но я о нем ничего не слышал. Надо подумать.

«Думай, думай, – усмехнулся Юсуф, отпуская очкарика. – И помни, что это я довел твою идею до разумного завершения».

...Юсуф поднял глаза на заложника. Тот провел пальцем по бордовой обложке и повторил:

– Здесь записаны правила управления энергиями, из которых создано все в этом мире.

Юсуф невольно улыбнулся. Он давным-давно перестал думать о той вечеринке. Он смирился с тем, что ему никогда не понять, как может человек управлять энергиями, из которых создан он и вся окружающая его действительность. И вдруг... В полутемном и грязном подвале, недалеко от города Газа, он получает ответ на вопрос, который задавал сам себе много лет назад.

Этого не может быть. Какое-то дикое совпадение. Этот парень, сидящий за столом со скованными руками, сам не ведает, что несет. К нему нельзя относиться серьезно. И Юсуф будет последним дураком, если воспримет все это всерьез. Он должен улыбаться и шутить. И высмеивать каждое сказанное слово.

Юсуф поймал на себе взгляд заложника и усмехнулся.

– Если в этой книге записаны правила, значит, эта книга учебник?

Заложник не улыбнулся в ответ. Только кивнул.

– Именно так! Вы все точно поняли, доктор. Именно, учебник! И всему человечеству, хочет оно того или нет, придется освоить материал, записанный в этом учебнике.

Юсуф вспыхнул и отшатнулся от стола. Последняя фраза обожгла его, как пощечина. Особенно слова про «все человечество». Вот что значит проявить слабость. Он проявил вполне понятную мягкость к попавшему в беду человеку. А этот человек расценил его мягкость как слабость и решил, что его можно купить на дешевую пропаганду. Все! Больше такого не повторится. Хватит уступок и скидок на шоковое состояние. Юсуф решительно положил ладони на шершавую столешницу. Нелепыми сказками об этом «учебнике» его народ кормит человечество уже три тысячи лет. Больше это никому не интересно. Неужели этот человек не понимает, что все их беды из-за этой книги?! Их всех, скопом и каждого в отдельности ненавидят, гонят и убивают, пытаются и вешают, топят и режут, а они упрямо продолжают тыкать всему миру свою книгу, в которой написано об их избранности. Конечно, они далеко не глупы и их действия совсем не бескорыстны. Благодаря сказкам, записанным в этой книге, они получили землю, которая им не принадлежит. Но так будет не всегда. Их враги набирают силы, лучшие друзья отворачиваются от них. Кольцо сжимается. Рано или поздно им всем придет конец. Они обречены. Их уничтожат. Вместе с их государством. И с этой книгой. Юсуф говорил горячо и гром-

ко, хотя понимал, что темный подвал, в котором прикован к столу человек, обреченный на страдания и смерть, – не лучшее место для такого монолога. Но остановиться не мог. Он говорил все громче и с каждым мгновением ощущал свою победу в давнем споре с Зарой. В каждой беседе должна быть поставлена точка. Этот человек должен знать правду.

Наконец Юсуф замолчал. Заложник поднял голову. Юсуф напряженно ждал его первого слова. Что он ответит? Какие найдет слова? Ясно, что будет спорить? Или промолчит? Заложник пожал плечами. Как-то равнодушно пожал. Словно не придавал значения ни одному услышанному слову.

– Я с вами согласен.

Юсуф решил, что ослышался. Он в упор смотрел на заложника. Но тот не отвел глаз. И повторил:

– Я с вами согласен.

Юсуфом вдруг овладело неприятное чувство. Будто он толкнул ребенка. Или обидел калеку. Юсуф закусил губу и пожалел, что не сдержался. Не стоило говорить всего этого. Не стоило повышать голос. Конечно, этот человек не согласен ни с одним словом Юсуфа. Но вынужден лгать, потому что не смеет возразить своему палачу. Эта мысль была Юсуфу неприятна. Ведь он не палач. И не собирается им становиться. Он врач, делающий свое дело, и не он затеял этот спор. Он просто считал, что должен сказать все эти горькие слова. Юсуф решил объясниться и поднял глаза. Заложник смотрел на него, и в этом взгляде не было ничего от

взгляда собаки, желающей завоевать благосклонность хозяина. В глубине глаз заложника сверкали холодные льдинки насмешки. Юсуф вдруг понял, что этот человек согласился с ним вовсе не из соображений, что узнику лучше не раздражать своего тюремщика.

– Я с вами согласен, – повторил заложник в третий раз. – Все будет развиваться именно по такому сценарию. Но только при одном условии. – Заложник замолчал, его верхняя губа опять поползла вверх, обнажая зубы. Юсуф понял, что вопросов задавать не нужно.

– При условии, что эта книга, – заложник поднял бордовый томик и встряхнул им, – написана человеком.

Юсуф молчал, не понимая смысла сказанного, но понимая, что монолог не закончен. Заложник перевел дыхание.

– Причем совершенно не важно, кем именно был этот человек и какие цели он преследовал. Был ли этим человеком пророк Моисей или эту книгу писала группа историков. Или мудрецов. Или аферистов. Это совершенно не важно. И цели, которые преследовали эти люди, тоже не важны. Хотели ли они получить власть над еврейским народом, оставить наследие детям, потешить свое самолюбие или заработать на тираже? Это все совершенно не важно. Важно только одно. Если эта книга написана людьми и основана на человеческой логике, то все будет именно так, как вы описали, доктор.

Юсуф молчал, а заложник принялся загибать пальцы.

– Мы много на себя берем? Конечно! Мы слишком отде-

ляемся от других народов, вызывая раздражение? Именно так. Мы проникли во все области жизни и пытаемся везде занять ключевые посты? И это верно. В конце концов это всем надоест. В этом вы тоже правы. Как и в том, что друзья отвернутся, а враги окрепнут. Наше государство разрушат, а нас сбросят в море. Восемь миллионов не могут вечно сопротивляться миллиарду врагов.

Заложник поднял голову и сжал руки в кулаки.

– Я вам больше скажу. – Заложник понизил голос, будто кто-то мог его услышать в полутемном подвале. – Если эта книга написана людьми, то Иерусалим вовсе не святой город. А если так, зачем за него сражаться и умирать? Если эта книга написана людьми, то Творец не отдавал нашему народу эту землю. И тогда какому глупцу пришла в голову мысль создать еврейское государство в самом сердце исламского мира? Зачем? Почему именно здесь? Гораздо лучше было бы найти для нас какой-нибудь остров в океане.

Заложник перевел дыхание. В его глазах светилась отчаянная решимость. Юсуф молчал.

– Но есть и другой вариант. – Голос заложника окреп. – Эта книга не написана людьми, а дарована Творцом мира пророку Моисею на горе Синай. И в ней записаны законы, по которым этот мир живет и управляется. Тогда, простите, доктор, но я не соглашусь ни с одним словом, сказанным вами. Если дело обстоит именно так, то никому не удастся нас уничтожить или сдвинуть с этой земли. Ни одной армии ми-

ра, как бы ни была она велика, хорошо вооружена, оснащена и подготовлена.

Мягким движением заложник опустил бордовый томик на стол. Стальные браслеты столкнулись и звякнули. Вероятно, долгий монолог утомил заложника.

– Никому не победить Творца мира, – устало произнес он. – Хотя люди постоянно пытаются опровергнуть эту истину.

Юсуф ощутил замешательство. Вероятно, он должен что-то сказать. Но сказать ему было нечего. Он мельком взглянул на часы. С момента, как за ним закрылась металлическая дверь, прошло тридцать пять минут. Его врачебный осмотр явно затянулся. Пора идти. Как бы не возникло у Тайсира ненужных подозрений. Юсуф сделал шаг к двери. Заложник поднял голову.

– Вы верующий человек, доктор?

Юсуф остановился.

– Конечно!

Заложник улыбнулся.

– Значит, вы верите, что эту книгу не писали люди. В противном случае, пророк Мухаммед не стал бы комментировать и подробно разбирать ее в своем Коране. К чему пророку, находящемуся под покровительством Творца, комментировать книгу, написанную людьми? Очередную книгу, основанную на человеческих заблуждениях и не содержащую в себе ни грамма Божественной мудрости.

Юсуф пошел к двери, чувствуя себя солдатом, бегущим с поля боя. Он не знает, что ответить этому человеку. Он не был готов к такому спору. К оказанию помощи и выведению из шокового состояния – да. Но не к тому, что он услышал в этом подвале.

Теперь ему надо все обдумать. И понять, услышал ли он нечто важное или просто запутался в хитросплетении банальных парадоксов. Заложник не сводил глаз с кончиков своих пальцев. Юсуф хотел попроситься, но передумал. Просто шагнул к двери и стукнул в нее кулаком. Открылось маленькое окошко. Зоркий черный глаз прошелся по Юсуфу и перешел на заложника. Судя по всему, охранник не заметил ничего подозрительного. Щелкнул замок, и дверь открылась.

* * *

Зара помогла мужу раздеться. Выражение ее лица было скорбным. Юсуф понимал причину этой скорби. Радио уже сообщило новость о захвате заложника «Отрядами народного сопротивления», и мудрая Зара, конечно, связала с этой новостью его внезапный и срочный вызов к Тайсиру. Фантазия Зары разыгралась не на шутку. Она решила, что задумчивость ее бедного мужа связана с тем, что ему пришлось наблюдать, как люди Тайсира пытаются своего пленника. Юсуф клялся, что это не так, доказывал, что заложник нужен

Тайсиру в нормальном состоянии и потому никто не собирается его пытаться. Зара молча слушала, кивала головой и не верила. Почему же тогда Юсуф вернулся домой таким мрачным? О чем он все время думает? Ссылку на усталость она всерьез не приняла. Обычно уставший Юсуф позволял ей снять с себя рубашку и обувь, ужинал не торопясь. А сегодня! Наскоро, без всякого аппетита съел лепешку с сыром, одним глотком выпил чашку кофе, бродит из угла в угол в тяжелых ботинках.

Юсуф слушал жену и не отвечал, пытаясь привести мысли в порядок.

Оказавшись за дверью подвала, он понял, что должен еще раз увидеть этого человека. И потому, рассказывая Тайсиру о заложнике, сгустил краски. Шоковое состояние, неустойчивая психика, потрясение от всего произошедшего и необходимость постоянного врачебного наблюдения. Тайсир слушал Юсуфа внимательно, вроде бы соглашался, но почему-то хмурился, и взгляд его был недоверчивым. Неужели что-то заподозрил? С чего ему подозревать Юсуфа? Юсуф доказал свою преданность. Да и сейчас не собирался обманывать своего страшного босса. А то, что диагноз оказался не очень точным, уж извините. Кто поставит безупречный диагноз без детального обследования пациента? Без приборов и анализов. На глазок. Вот он, как врач, и перестраховался. Сгустил краски. С кем не бывает?

Недовольная упорным молчанием мужа, Зара вернулась с

еще одной чашкой кофе. Поставила ее на тумбочку, присела рядом. Протянула руку, погладила Юсуфа по голове и спросила, отошел ли он.

– От чего? – вспыхнул Юсуф.

– От тех ужасов, которые ты видел у Тайсира.

Юсуф всплеснул руками. Не было никаких ужасов. Зара улыбнулась и покачала головой. Дескать, не делай из меня дурочку. Юсуф отвернулся. Хотелось, чтобы Зара вышла. Или замолчала. Пусть сидит вот так, рядом, гладит его по волосам, по плечам. И молчит. Он должен подумать. Но Зара не собиралась молчать. Она хочет знать правду.

– Какую еще правду? Какую, к черту, правду? – Юсуф не выдержал и повысил голос.

Зара тяжело вздохнула. Почему он так нервничает? Почему он кричит на нее? Нет, она все понимает. Когда насмотришься такого, невольно станешь неврастеником. Но почему он не хочет с ней поделиться? Неужели непонятно, что ему сразу станет легче? Намного легче. Юсуф ощутил волну раздражения, поднимающуюся изнутри. Дрогнула в руке чашка с кофе. Стоп! Только не начинать ссору. Тогда уже мыслей не собрать. Юсуф пригубил горячий напиток, откинулся на спинку кресла и опять закрыл глаза. Рука Зары легла на лоб.

– Тебе нехорошо?

Юсуф кивнул.

– Оставить тебя одного?

Юсуф кивнул еще раз. Зара поднялась, и он ощутил волну

привычного аромата ее духов. Затем зазвучали шаги, и дверь закрылась.

Он должен еще раз увидеть этого человека. Так он решил, пока шел по подземному коридору и поднимался по лестнице в комнату с сундуком. Он должен понять, к чему клонит этот человек. Хотя...

Неужели он, серьезный и вдумчивый врач, убежденный мусульманин, стал жертвой говоруна, опутавшего его словесной сетью? Надо отдать должное этому человеку – его сеть сплетена весьма лихо. Но из нее надо выбираться. Запутаться в его сети значит проиграть. Все. Идею, веру, землю, государство, дом деда, ключ от которого лежит здесь, в спальне, в шкафу под майками и трусами Юсуфа.

Он просто проявил слабость. Запутался в словах. И это сразу привело к последствиям. К нежелательным последствиям. Он солгал Тайсиру о тяжелом состоянии заложника. А ведь он давал себе слово никогда не лгать Тайсиру. Это ему урок. Одна слабость порождает другую, а та тянет за собой третью. Ошибка ведет к ошибке. Он должен был быть сильным. А он размяк. Как тогда на вечеринке, которую ему не забыть никогда. С этой девкой. Гадиной. Шлюхой. Как ее звали? Лена? Нет, не Лена. А, Лина. Точно. Лина Скляр.

Она считалась королевой лечебного факультета. Когда она проходила по коридору в коротком белом халатике и маленькой шапочке на черных кудрях, студенты всех курсов – от первого до седьмого – теряли дар речи одновремен-

но со способностью поворачивать голову в другую сторону. На Юсуфа она как-то бросила взгляд, который он посчитал заинтересованным, и это дало ему право думать, что королева вовсе не прочь назвать его своим королем.

Все должно было решиться на вечеринке, посвященной началу зимней сессии, Юсуф выдержал настоящий бой за право сидеть рядом с ней. Она пришла в коротком черном платье и черных чулках, сверкающих синими и фиолетовыми нитями люрекса. Каким-то особым мужским чутьем он сразу понял, что на ней чулки, а не колготки. А значит, над гладью нейлона и колючей проволокой люрекса есть широкая кружевная резинка, жесткая на ощупь. И над ней начинается царство белой прохладной кожи. От мысли о его торжественном въезде в это царство кружилась голова, и он торопил организаторов поскорее приступить к ужину. Наконец из кухни был доставлен к столу последний салат, гости расселись, в рюмки и бокалы обильно полились водка и вино. Юсуф сел на отвоеванное рядом с королевой место и замер от запаха роскошных духов и полной груди, с любопытством поглядывающей на соседа сквозь вырез платья. Он чувствовал себя ковбоем, чье лассо уже захлестнуло шею золотой кобылицы, за которой безрезультатно гонялись глупые соседи. Но когда пальцы Юсуфа коснулись под скатертью черной коленки, Лина ошпарила его недоуменным взглядом, ни слова не говоря, резко отодвинула стул и пересела на свободное место между двумя подругами. Мужское население

стола радостно охнуло и теснее прижалось к своим дамам, всем своим видом подчеркивая преимущества прирученной синицы в руках перед строптивым журавлем в небе. Юсуф растерялся. А тут еще на свободный стул уселся парень одной из подруг Лины, и праздничный ужин, которого так добивался Юсуф, потерял всякий смысл.

Потом он пригласил ее танцевать, уверял, что она его не так поняла, оправдывался, ощущая себя уже не потенциальным монархом, а в лучшем случае старшим конюхом дворцовой конюшни, допустившим появление стригущего лишая у племенного жеребца. Королева снисходительно улыбалась, и эта проклятая улыбка сыграла с ним еще одну злую шутку. Решив, что он прощен, Юсуф вновь попробовал бросить в атаку осадные машины. Его ладонь соскользнула с тонкой талии ниже. Ощувив под пальцами тугую плоть, Юсуф сжал королеву в объятиях. И тут произошло неожиданное. Королева ткнула его двумя пальцами в солнечное сплетение так, что он мгновенно понял на практике, что такое свистящее дыхание астматика. Студенческая темнота скрыла его позор от остальных. Лина легко выбралась из его ослабевших рук, шепнула на прощание: «Этому приему меня научил мой жених» – и исчезла за силуэтами слившихся в экстазе тел. Брошенный на произвол судьбы Юсуф еще пару минут не мог сделать ни шагу, смахивал проступившие слезы и извивался на месте, изображая любителя индивидуального танца. Отдышавшись, он отправился искать ее,

чтобы рассчитаться. Лина была на кухне. Ее окружали подруги, она что-то громко рассказывала, привалившись спиной к какому-то тщедушному однокурснику. Однокурсник блаженствовал, его ладонь покоилась на ее крутом бедре, а прыщавая физиономия сияла от осознания собственной исключительности. В этой части квартиры Юсуфа не любили. При его появлении разговор увял, а лица стали напряженными и оттого неприятными. Юсуф поспешил ретироваться, решив отложить окончательный расчет на потом. Уединившись на балконе, он разработал план мести, коварный не менее, чем «Барбаросса». Он дождется, пока Лина уйдет, настигнет ее в подъезде и объяснит разницу между мальчишкой, которого можно унижить, и мужчиной, который унижений не прощает. Он больше не позволит застать себя врасплох ударом исподтишка, он прижмет ее к стене и доберется, наконец, до запретной территории над кружевной резинкой. Юсуф еще час лелеял свой план, продумывал приятные детали безоговорочной капитуляции и, заметив, что Лина прощается с подругами, выскользнул в подъезд. Увы, его план перенял от «Барбароссы» не только коварство, но и полную неспособность к реализации. На лестничной площадке Лину ждал двухметровый детина комплекции Кинг-Конга. Влюбленные не заметили затаившегося Юсуфа и в обнимку побежали вниз по лестнице, причем рука Кинг-Конга бесцеремонно вторглась на территорию, с которой Юсуф был изгнан с позором. Юсуф проводил их до выхода. На улице Кинг-

Конг усадил добычу в подло-красный «Феррари», сам плюхнулся на водительское кресло и взревел мотором. В последнюю секунду Лина повернула голову и увидела его. Что она прочла в глазах Юсуфа – неуголенную страсть или все национальные обиды, вместе взятые, – он так и не понял. Но Лина презрительно скривилась, «Феррари» рванул с места, и Юсуф понял, что проиграл нокаутом.

Он шел домой один и ругал себя последними словами. Как он мог так опростоволоситься?! Он, гордый сын пустыни, стерпел оскорбление от этой сионистской сучки. Лина не была сионисткой. Более того, выбрав местом своего жительства Россию, она нарушила главный сионистский завет – перебраться на Святую землю, но он думал о ней именно так: «сионистская сучка». Зачем он пригласил ее на танец после ужина? Зачем пошел искать после подлого удара под дых? Зачем провожал до машины? Неужели ее реакция на невинное прикосновение к коленке не сказала ему все? Дурак! Дурак и слюняй! Надо было переключиться на одну из ее подруг. Подруга, конечно, сообщила бы ей о своем новом потрясающем любовнике. Это заставило бы ее присмотреться к нему. И тогда он начал бы осаду. А он ошибся. И одна ошибка потянула за собой другую.

Юсуф перешел в спальню, плюхнулся на кровать и раскинул руки. Не туда. Не туда пошли его мысли. Неужели все, что он услышал сегодня, было лишь пропагандой? Сетью для глупца? Или это было тем важным, что меняет жизнь и де-

дает друзьями непримиримых врагов? Что-то важное было в словах этого человека. Что-то такое, от чего он не мог отмахнуться. Но что именно, Юсуф понять не мог. Вот потому он и должен увидеть его еще раз. Зара неслышно, как тень, появилась у кровати.

– Не можешь заснуть?

Юсуф прикрыл глаза. Зара поняла, что не нужно задавать вопросы. Она легла рядом, и Юсуф ощутил на щеке ее влажные губы. Повернул голову, поймал ее губы своими, и нежно, но решительно раздвинул их языком.

Второй день плена (суббота)

Во сне все смешалось. Люди с длинными носами, книга величиной с гору, белые халаты, стройные ноги в черных чулках, Зара с ножом в руке, бородатые парни и красные автомобили. Но, проснувшись, Юсуф ощутил себя отдохнувшим и бодрым. Он успел помолиться, позавтракать, и ровно в девять во двор въехала машина. На этот раз это был не черный «Мерседес», а скромная серая «Тойота». Но парни были те же, что и вчера. Кондиционер работал так же активно, а вместо джаза из радиоприемника неслись заунывные песни Наваль эль-Кувейти. Вероятно, они лучше соответствовали внутреннему миру людей Тайсира в его утреннем варианте.

Дорога заняла не более получаса. Как и вчера, Тайсир встретил его у машины. Он был весел и возбужден. Вокруг захвата заложника поднялся страшный шум. Телевизионные каналы вчера только об этом и говорили. Газеты полны сообщений и фотографий. Евреи требуют от своего правительства добиться освобождения немолодого человека, которому, конечно, долго в плену не продержаться. Этот парень, оказывается, сердечник. Несколько лет назад у него был инфаркт. В газете опубликовано заключение его домашнего врача. Теперь Тайсир понимает, почему вчера Юсуфа так взволновало состояние его здоровья. Тайсир хлопал Юсуфа по плечу, говорил о том, какой он замечательный врач, и

клялся, что за этого заложника он получит всех своих бойцов. Юсуф облегченно вздохнул. От вчерашней недоверчивости Тайсира не осталось и следа. Юсуф взял с заднего сиденья саквояж и вошел в дом.

В салоне – пусто. На столе – ворох газет. Тайсир широким жестом показал на них. Смотри! Только об этом и пишут! Юсуф наскоро просмотрел фотографии. На них заложник выглядел старше. Безутешные сыновья. Жена с платочком, прижатым к щеке. Возмущенный вероломством врага народ. Решительные политики. Обещания и призывы. Обычная чепуха.

Улыбающийся Тайсир отодвинул сундук, но вместе с Юсуфом уже не спустился. Стараясь не оступиться, Юсуф отсчитал шестнадцать ступеней и вошел в узкий коридор. Два охранника сидели за тем же столом, только при появлении Юсуфа они не стали вскакивать и хватать свои автоматы. Оглядели его равнодушными взглядами. Один из охранников взял ключ и пошел к двери. Лязгнул замок.

Заложник сидел за столом, так же спиной к двери. Руки, обхваченные стальными браслетами, держали книгу в темно-бордовом переплете. Услышав звук открывающейся двери, заложник опустил книгу и повернул голову. Юсуф был готов поклясться, что его приход обрадовал этого человека. Правда, ни один мускул на лице заложника не дрогнул, но чуть потеплели глаза и губы тронула улыбка. Юсуф подошел ближе. Поздоровался. Заложник ответил. Юсуф тронул

пальцем холодную сталь.

– Они так и не снимали наручники?

Заложник засуетился, энергично замотал головой.

– Снимали. Что вы, конечно, снимали!

У него нет никаких претензий. Вчера сняли наручники сразу после того как доктор ушел. А сегодня надели перед его приходом. Так что с утра он уже успел походить по комнате и даже сделал зарядку. Юсуф заметил на столе хлебные крошки. Его кормили? Заложник вновь закивал. Конечно! Дали лепешку с хумусом и стакан воды. Юсуф нахмурился. И все? Заложник попытался поднять руки, словно забыл о стальных кольцах. Он вполне доволен завтраком. Лепешка с хумусом совершенно нормальная еда. В плену, знаете ли, не до разносолов. Юсуф подошел ближе, нащупал пульс.

– Как вы себя чувствуете?

Заложник развернул руку, чтобы врачу было удобнее. Хорошо. Относительно, конечно. Скучает по дому. У него же двое взрослых сыновей. И внуки. Юсуф кивнул. Он в курсе. Прочел в газете и даже фотографии видел. И сыновей, и внуков. Вот как? В глазах заложника сверкнули слезы. Их фотографии напечатали в газетах? Как же им сейчас тяжело! А жена?! О ней даже подумать страшно. Ведь они прожили вместе тридцать семь лет. Юсуф выдержал паузу. А еще в газете написали о его инфаркте. Почему он об этом ничего не сказал? Заложник вздохнул. Это было пять лет назад. Стоит ли ворошить?

– Конечно, стоит! – Юсуф рассердился. Он же врач и отвечает за состояние пациента. Заложник поморщился. Он не хотел вспоминать о своем инфаркте. Все эти годы он плавал в бассейне, бегал, играл в теннис. Так что, надеется, что с сердцем у него все в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.